

АНТОН КЕРСНОВСКИЙ
ОДИН ИЗ САМЫХ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ ВОЕННЫХ ИСТОРИКОВ XX СТОЛЕТИЯ

ИСТОРИЯ

РУССКОЙ АРМИИ

ОТ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ СО ШВЕЦИЕЙ
ДО ТУРКЕСТАНСКИХ ПОХОДОВ

1700—1881

Антон Антонович Керсновский
История русской армии. Том
1. От Северной войны со
Швецией до Туркестанских
походов. 1700—1881

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68452994

*История русской армии. От Северной войны со Швецией до
Туркестанских походов. 1700—1881:
ISBN 978-5-227-10182-2*

Аннотация

В настоящую книгу военного историка А. Керсновского вошли материалы о кардинальной реорганизации армии в ходе реформ Петра I 1698 года, после чего были и суровые войны со Швецией, и с Францией, и Семилетняя и Крымская баталии, Туркестанские походы... Основная идея автора – показать самобытность русского военного искусства, мощь русского военного гения.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	5
Основные законы русской государственности	5
Вооруженные силы московской Руси	11
Часть первая	19
Глава 1	19
Преобразование армии. Реформа 1698 года	19
Внешняя политика Петра Великого	22
Великая Северная война	26
Восточные дела и персидская война	66
Петр великий как политик, организатор и полководец	69
Организация и быт петровской армии	83
Конец ознакомительного фрагмента.	98

**АНТОН АНТОНОВИЧ
Керсновский
История русской армии
От Северной войны
со Швецией до
Туркестанских походов
1700—1881**

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

© «Центрполиграф», 2022

Введение

Основные законы русской государственности

Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию. В их чередѣ были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнивались деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие – и мы, Русские, навсегда останемся их неоплатными должниками.

В своем исполинском тысячелетнем деле созидатели России опирались на три великих устоя – духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии.

Будучи помазанником Божиим, проникнутый сознанием святости самодержавного строя, русский царь Богу одному отдавал отчет о своих действиях, управлял вверенной ему Богом страной по совести – через посредство лучших ее людей и не вверял судьбы ее бессмысленной толпе, никогда не знающей, чего хочет, и вожакам толпы, слишком хорошо знающим, чего хотят.

В троичности «Вера, царь, Отечество» недаром понятие, выражающее идею Родины, поставлено не на первом, а только на третьем месте. Для Русского Народа оно является лишь результатом первых двух, своего рода производной их. Понятие «Россия», не осмысленное предварительно понятием «Вера», не оплодотворенное понятием «Царь», является для него чуждым, абстрактным, лишенным внутреннего содержания и смысла. И далеко не случайность, что когда при советском владычестве не стало ни Веры, ни царя, – то само собой отпало и понятие Россия, уступив место сочетанию административных инициалов.

До этого последнего лихолетия России пришлось уже однажды пережить смертельную опасность. Природная династия Рюриковичей угасла, до избрания новой законной династии додумались не сразу (в претендентах незаконных и неприродных недостатка не было – что и создало анархию). Царский престол был пуст... но помимо него существовал еще один престол – престол патриарший. И этот престол спас тогда Россию. В сложившейся веками русской государственной машине царская власть являлась как бы ходом поршня, а духовная власть патриарха (до учреждения патриаршества – митрополита Московского) являлась своего рода инерцией махового колеса, обеспечивавшей ход машины, когда она начинала давать перебои и поршень становился «на мертвую точку». Гениальнейший из русских царей, перестраивая заново эту машину на иноземный образец, упразднил патри-

аршество и этим нарушил гармонию духовной жизни Русского Народа. Сообщенной Петром стране мощной инерции хватило на полтора с лишним столетия, но когда она стала иссякать и государственная машина стала давать перебои – спасительной «инерции» маховика уже не оказалось. И машина остановилась...

Занимая совершенно особое положение среди прочих государств, Россия является страной самобытной, а в духовном отношении и самодовлеющей.

Историческое ее развитие – превращение в великую, а затем в мировую державу – совершалось с севера на юг: от Новгорода к Киеву, от Киева к Царьграду. Это – путь Олега, Святослава и Владимира Святого. Внутренние неурядицы и монгольский разгром с его последствиями заставили Россию в продолжение целых шести веков сойти со своего великодержавного пути. За весь этот тяжкий период русской истории не могло быть и речи о дальнейшем развитии русской великодержавности: шла борьба за самое право существования России, а затем, медленно и с трудом, возвращалось и собиралось утраченное достояние. Это было великим делом нашей первой династии – династии, давшей Александра Невского и Иоанна Калиту.

За все время своего существования России приходилось отбиваться от двух врагов.

Первый враг – враг восточный – приходил к нам из глу-

бины азиатских степей, сперва в облике обров и половцев, затем монголов и татар и, наконец, турок. Эти последние, покорив пол-Европы, превратили Царьград в Стамбул – тем самым став поперек нашего исторического пути.

Второй враг – враг западный. Имя ему было и осталось – немец. Враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении семисот лет – от Ледового побоища до Брест-Литовска – враг традиционный, но не раз по капризу истории надевавший личину «традиционной дружбы» – всякий раз все к большей своей выгоде и все к большей беде России.

С восточным врагом боролись Дмитрий Донской, Иоанн III, Екатерина Великая, Царь-Освободитель. С западным – Александр Невский, два первых Романова – цари Михаил и Алексей, дочь Петра – Елизавета.

Три царя боролись одновременно с обоими врагами – Иоанн IV, Петр I, Николай II (царь Грозный, царь Великий, царь Мученик).

Царю Иоанну удалось сокрушить восточного врага. Покорение Казани в истории христианства – праздник не меньший, чем битва при Лепанто и освобождение Вены. Однако борьба с западным врагом – вначале успешная – оказалась под конец ему не по силам.

Петр Великий, первый после Александра Невского, заставил западного врага обратиться вспять. В борьбе же с врагом восточным потерпел неудачу.

Удачнее их действовал император Николай Александрович. На третьем году беспримерной в истории борьбы ему удалось поставить восточного врага на оба колена, западного на одно... Но тут явился третий враг – враг внутренний – духовный сын западного врага, поспешивший на помощь своему отцу...

И царя не стало! Ужасной ценой заплатила тогда страна за свою минутную слабость и невольное предательство. Историческая задача России, бывшая накануне своего славного разрешения, снова отодвинулась в кровавую мглу, – и для разрешения ее, для признания за собой права на место под солнцем, нам придется еще долго, много и упорно воевать.

Борьба с восточным врагом обратилась для России сначала в защиту христианской веры, а в последующие века в освобождение угнетенных единоверцев и единоплеменников. И тот же освободительный характер приняла и самая большая из ее войн с врагом западным.

Все это сообщает войнам, веденным Россией, характер совершенно отличный от войн, веденных другими народами, и придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды. Ведя эти войны, Россия выполняла свою задачу – задачу «Божьей рати лучшего воина» – многовековой непрерывный крестовый поход.

Француз умирал за славу, за белое знамя, за императора – и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал

на краю света «за все большую Британию» и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу «за други своя». Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах Болгарии и Армении, – то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: «Не нам, не нам, а Имени Твоему».

Вооруженные силы московской Носсии

XVII век был веком упадка русской государственности. Медленно оправляясь от последствий Смутного времени, Россия царя Михаила Федоровича не раз переживала тяжелые кризисы, участившиеся и принявшие грозный характер в правление царя Алексея.

Правление этого слабого государя не было счастливым, несмотря на присоединение Хмельницким Малороссии. Царская власть ослабела, самодержавие существовало лишь на бумаге, обратившись в господство дьяков. Ссора царя с патриархом Никоном удалила от престола единственный государственный ум России того времени. Хозяиничанье же дьяков привело к государственному банкротству (медные рубли) и к закрепощению крестьянского сословия (простая полицейская мера Годунова была превращена в половине столетия в крепостное право стараниями «крючкотворцев»). Внутри страны не прекращались восстания и бунты. Внешние войны царя Алексея Михайловича закончились плачевно...

Умирая, он оставлял Россию в состоянии несравненно худшем, чем принял.

В 70-х и 80-х годах страна погрузилась в глубокий и полный маразм, раздираемая религиозными настроениями,

внутренними смутами, придворными интригами и военными бунтами.

Военное бессилие России было полным. Московское правительство, не будучи в состоянии совладать с крымскими татарами, опустошавшими Украину и низовые области своими набегами, унизилось до платежа ежегодной дани крымскому хану! Обуздать этих степных хищников, уведших в рабство в Турцию в одном, например, 1688 году свыше 70 000 человек, оно было не в состоянии. Русскими невольниками были переполнены рынки Востока и, увы, Запада – что вечным позором ложится на «просвещенную Европу», уже тогда торговавшую человеческим мясом с «каннибалами». По мнению известного слависта профессора В.И. Ламанского, с XV века в продолжение четырех столетий (по XVIII век включительно) Великая и Малая Русь и часть Польши лишились от 3 до 5 миллионов жителей обоего пола, уведенных в турецкую неволю и проданных в рабство. Вот что он пишет по исследовании архивов Венецианской республики: «Венецианские посланники XVI века говорят, что вся прислуга Константинополя у турок и у христиан состояла из этих русских рабов и рабынь. Не было нянек и кормилиц, если крымцы долго не чинили набегов на Восточную и Западную Русь. Русские рабыни встречаются еще в XV веке в разных городах Италии. Не мало было русских рабов и у мамелюков в Египте. С конца XVI века, в XVII и даже XVIII столетии Венеция и Франция употребляли русских рабов на военных

галерах как гребцов-колодников, вечно закованных в цепи. Кольбер особенно не жалел денег на покупку этих рабов на рынках Леванта, а Благочестивый Людовик XIV только иногда прибавлял, чтоб эти „Rusiens“ не были „схизматик“. В таких размерах совершалась в XV–XVIII веках торговля русскими невольниками и невольницами в Европе. Лишь покорением Крыма положен был конец этой позорной для Европы торговли христианскими рабами...» Ослабевшее Московское государство ограничивалось лишь пассивной обороной: от Брянска на Тулу и Каширу – и дальше на Рязань – была проведена укрепленная сторожевая линия, оставлявшая, однако, беззащитными не только новоприсоединенную Малороссию, но и коренные области Московской Руси – нынешние Курскую, Орловскую и большую часть Тульской губернии. Военное дело находилось в полном упадке, как то показывают неудачные походы Голицына на Крым.

Для того чтобы вывести страну из этого маразма, нужна была железная воля и железная рука. Одно и другое сочеталось в младшем сыне Тишайшего.

Мы не собираемся здесь подробно излагать и критиковать реформы Петра I. Это вывело бы нас слишком далеко за рамки нашего скромного труда. Скажем только, что, если бы этого государя не было, анархия окончательно одолела бы страну, низведя «Московию» на положение какого-нибудь Бухарского ханства или Абиссинской деспотии, разделенную на «сферы влияния». Большинство реформ Петра

были жизненно необходимы, иные были излишни (насильственная ломка быта, глумление над старинными обычаями и традициями, огульно объявленными «предрассудками», и т. п.). Некоторые реформы, как, например, упразднение патриаршества, оказались прямо вредны. Военные же мероприятия его – реформа армии, зарождение флота – отмечены печатью гения и одни уже дают ему право именоваться Великим.

Военная система России, как Московской, так и Императорской, – резко отличалась во все времена от западноевропейской.

На Западе царил принцип найма, вербовки. Военное дело являлось там прежде всего доходной профессией. Ландскнехты и кондотьеры служили за деньги – сегодня цесарю и папе против христианнейшего короля, завтра королю против цесаря и папы. Западноевропейский солдат до конца XVII века был наемником.

В основу русской военной системы испокон веков положен был принцип ее обязательности – принцип долга для каждого защищать Русскую землю – принцип «повинности».

Московская рать явилась первой национальной армией в мире, подобно тому как петровская армия весь XVIII век была единственной национальной армией в Европе.

Регулярное войско – стрельцы – было у нас заведено при Иоанне Грозном. Большая же часть армии состояла из зем-

ского ополчения (дворяне и даточные люди), созывавшегося по принципу обязательной повинности в военное время, что придавало вооруженной силе Московского государства милиционный характер.

«Солдаты, более способные на грабеж, чем на битву», – пренебрежительно выразился о московских ратниках немец Пуффендорф, наблюдавший Московскую Россию в ее упадочную пору, в XVII веке. Это утверждение мы оставляем на его совести (уж в чем ином, а в недоброжелателях и клеветниках у нас никогда недостатка не было). Летописи московской рати не знают позорных событий вроде разграбления Рима католическими же ландскнехтами Фрундсберга. Магдебург был разгромлен озверелыми рейтарами Тилли, не щадившими ни женщин, ни детей и умертвившими весь гарнизон за упорное сопротивление. А грозный царь Иоанн Васильевич, отпуская на все четыре стороны гарнизон Полоцка, одарил его богато за храбрую защиту. О вооруженных силах Московской России в цветущий ее период – XVI век – предшественники Пуффендорфа судили иначе. «Ни один из христианских государей, – пишет один из них о войске Василия III, – не имеет армии более грозной и лучше устроенной, чем великий князь Московский». В Ливонскую войну рати Иоанна IV не раз бивали в открытом поле шведов и немцев-наемников в равных и даже превосходящих силах. Защитники Вендена, не желая сдаваться, удавились на своих орудиях. Наемные солдаты других армий в их положе-

нии, наверное, поспешили бы сдаться и поступить на службу к новому хозяину! В укрепленных городах московские ратные люди могли отсиживаться и успешно отбиваться целыми годами. Военная история всех стран и народов не знает подвигов, могущих сравниться с защитой Смоленска, Пскова и Троице-Сергиевой лавры.

Дружинники Святослава, обещавшие «сложить свои головы, где его голова ляжет», храбрые жители Козельска – «злого города» Батые, венденские пушкари, предпочтившие смерть плену, сергиевские иноки, смольняне и псковичи, целовавшие крест сидеть до конца, – вот от кого произошли по прямой линии полтавские драгуны, цорндорфские фузилеры, рымникские чудо-богатыри! Двух армий – «московской» и «императорской» – не существует, есть одна Русская Армия...

Войска иноземного строя стали у нас заводиться при царе Михаиле Федоровиче. Первые из сохранившихся патентов выданы полковнику драгунского полка Ван Даму в 1632 году и полковнику солдатского полка Шарлю Эберсу в 1639 году. Признавался желательным состав этих войск на одну треть из иноземцев и на две трети из русских (те и другие – профессионалы). На самом деле они состояли почти сплошь из русских.

В 1642 году сформировано два «выборных» (т. е. отборных) полка из московских слобожан и стрелецких детей –

Первомосковский и Бутырский. Полкам этим суждено было явиться связующим звеном старой московской и новой петровской армий – символ единства и нераздельности Русской Армии. В начале царствования царя Алексея, в 1648 году, был издан первый в России воинский устав – «Учение и хитрости ратного строя пехотных людей».

Однообразных штатов не существовало. Иноземные полки делились на роты, стрелецкие имели сотенную организацию. Те и другие именовались по полковникам. Число полков колебалось: солдатских (т. е. пехотных иноземного строя) бывало от 25 до 35, рейтарских и драгунских – до 25, стрелецких – 40–45 (в одной Москве 18). По росписи 1689 года считалось: «стройных» войск 110 000, «нестройных» 55 000, «городовых» до 25 000. Всего на бумаге тысяч до 200, но плохо организованных, еще хуже дисциплинированных, в общем, слабой боеспособности.

ЖАЛОВАННЫЕ ЦАРЯМИ ГРАМОТЫ УСТАНАВЛИВАЮТ СТАРШИНСТВО КАЗАЧЬИХ ВОЙСК:

Всевеликого войска Донского – с 1570 г. (первая грамота казакам);

Уральского – с 1591 г.;

Терского – с 1696 г. (самое войско основано позднее – в 1722 г., но уже с половины XVII века донские казаки селились на Тереке, и грамота эта благодарит их за службу в тех

краях);

Кубанского – с 1696 г. (по Хоперскому войску, вошедшему в его состав).

ПОЛКИ МОСКОВСКОГО ПЕРИОДА, СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПОНЫНЕ:

13-й лейб-гренадерский Эриванский (1642 г. – Выборный Бутырский, с 1827 г. – Эриванский);

4-й уланский Харьковский, 1-й гусарский Сумской, 11-й гусарский Изюмский, 12-й гусарский Ахтырский (1651 г. – слободские казачьи полки того же имени);

2-й лейб-драгунский Псковский, 9-й гусарский Киевский, 17-й гусарский Черниговский (1668 г. – соответственно, Северский, Киевский и Черниговский слободские «компанейские»).

Часть первая

От Нарвы до Парижа. 1700—1814

Глава 1

Птенцы гнезда Петрова

Преобразование армии. Реформа 1698 года

Службу регулярных войск Московского государства в последние десятилетия XVII века, скорее всего, можно сравнить с нынешним отбыванием лагерных сборов. Солдаты, поселенные в слободах, мало-помалу омещанивались, утрачивали воинский дух и даже воинский вид. Большинство обзаводились семьями и занимались ремеслами и промыслами, ничего общего с военной службой не имеющими. Под ружьем они находились в общей сложности месяц или два в году. Безвременье 70-х и 80-х годов особенно пагубно отразилось на стрельцах, превратившихся в смутьянов и бунтарей – каких-то янычар Московской России и представлявших своим существованием государственную опасность.

Единственно полноценными в то время могли считаться лишь четыре полка: Преображенский и Семеновский «потешные» (учреждены в 1683 году, полковую организацию получили с 1691 года) и оба «выборных» – Первомосковский Лефорта и Бутырский Гордона.

В 1694 году молодой царь произвел первые большие маневры русской армии, так называемый Кожуховский поход. Маневры эти явили собой точное подобие войны (вплоть до того, что около 70 человек было убито и ранено стрельбой пыжами в упор), и в них участвовало до 30 000 войск как старой организации, так и нового строя, причем все преимущества оказались на стороне последних.

Азовские походы окончательно убедили царя Петра в малой пригодности войск старой организации. Кампания 1695 года закончилась плачевно – беспорядочное отступление от Азова походило на бегство. В 1696 году 70-тысячная армия при поддержке, оказанной ей импровизированным флотом, лишь после двухмесячной осады смогла овладеть крепостью, которую защищало менее 5000 турок. Солдатские полки, не говоря уже о стрелецких, проявили мало боеспособности – еще меньше дисциплины. Наоборот, полки, составленные из призванных на время войны в порядке повинности земских людей – дворян и даточных крестьян, – обнаружили большое рвение при всех неизбежных недостатках войск милиционного типа.

Все это подало Петру мысль целиком обновить состав ар-

мии, распустив всех «янычар» – солдат, рейтар и стрельцов, и вновь набрать «профессионалов», на этот раз подневольных, из среды дворян и даточных.

Реформа эта произведена в 1698 году. Все старые полки были распущены и расформированы за исключением четырех упомянутых выше. В эти четыре полка были сведены все, кого Петр считал надежными и пригодными для дальнейшей службы, – всего 28 000 человек (стрельцов после бунта этого года на службу не брали совсем). В основу новой своей армии Петр положил, таким образом, принцип отбора. Ближайшим сотрудником царя в проведении этой реформы был генерал Патрик Гордон – ветеран чигиринских и герой азовских походов, переработавший тогда же старый устав 1648 года. Гордон умер в следующем, 1699 году, и смерть его была тяжелой утратой для молодого царя и молодой его армии.

В 1699 году был объявлен призыв 32 000 даточных – первый в России рекрутский набор. Одновременно принято на русскую службу с большим преимуществом (главным образом в смысле окладов) много иностранцев, которым отведено большинство командных должностей в новой армии. Только что закончившаяся война Франции с «Аугсбургской лигой» освобождала как раз многих профессионалов шпаги, среди которых наряду с авантюристами попадались и люди высоких качеств.

Весной и в начале лета 1700 года из сверхкомплекта четырех старых полков и новопризванных даточных сформиро-

вано 29 пехотных полков, составивших 3 сильные дивизии, и 3 драгунских. Большинство этих полков (вначале названных по полковникам) существует и поныне.

Внешняя политика Петра Великого

В продолжение всей своей истории Россия стремилась к свободному морю, как лишенное света растение стремится к солнцу. Русь родилась на волнах – в варяжской ладье, – ее национальная политика не могла не быть политикой в первую очередь морской. Щит Олега на вратах Царьграда является символом этой политики и сопряженной с нею великодержавности. «Морская традиция» была оставлена в упадочную пору русской государственности. В середине XIV века западный наш враг утвердился на Финском заливе, превратив «Варяжское Море» в шведское внутреннее озеро. «Русское Море» стало турецким внутренним озером. Россия была отрезана от обоих своих морей – северного и южного.

Возрождение российской великодержавной идеи при Иоанне III и блистательное ее развитие при Грозном не могло не привести к возрождению основного закона нашей великодержавности – «морской традиции» в политике. Вот причина Ливонских войн. Кровь Рюрика сказалась через семь столетий в предпоследнем и самом ярком из его венценосных потомков.

Петр понимал, что лишь выходом к морю можно вернуть

России ее великодержавность. Архангельск и недавно приобретенный Азов не могли иметь значения для развития сношений с границей вследствие своего слишком окраинного положения.

Завоевание черноморского побережья Петр I считал менее срочным, чем приобретение «окна в Европу» на Балтийском море. Прежде всего, борьба с такой могучей державой, как Османская Порта того времени, была немыслима без союзников. Союзники же по этой борьбе – Австрия и Польша – отказывались от продолжения «Азовской» войны. Австрия была озабочена вопросом о только что открывшемся испанском наследстве, Польша, по смерти Собесского, не видела выгод в походах на Молдавию. Затем, даже в лучшем случае, т. е. конечном одолении Турции, пользование Черным морем представляло много неудобств. Выходы из него были в турецких руках, и выводило оно в конце концов в Средиземное море, то есть в страны латинской культуры.

Питая отвращение к иезуитам и опасаясь не без основания роста их влияния в России, Петр не желал завязывать особенно тесных сношений с латинянами. Царевна София была сторонницей латинской культуры и иезуитов. Петр же решил «искать света» на севере – у голландцев (бывших его первыми друзьями) и англичан. Для этого необходимо было овладеть балтийским побережьем, т. е. выдержать борьбу со Швецией. А для этой борьбы уже намечались союзники – Дания и Польша, у которых были свои счета со своим

королем.

Выступая на арену большой европейской политики, молодая Россия не имела никакого опыта в этом деле. До сих пор внешние сношения Московского государства ограничивались почти одной Польшей. Понятия о других странах были характера полубаснословного. Знали, что на севере живет свойский король, с которым мы часто воевали, а на юге – турецкий султан, поганой веры. Время от времени отправлялись пышные посольства римско-немецкому цесарю и принимались таковые от него. Про «аглицкого» короля знали, что он живет за морем и царствует «не по Божьему соизволению, а по мятежных чело­ве­ков хотению» – чином, стало быть, будет пониже цесаря. Из остальных иноземцев лучше других знали итальянцев – мастеров на все руки – зодчих, живописцев, музыкантов и лекарей – и голландцев – мореплавателей и торговцев, живших на Немецкой слободе.

Взаимоотношения иностранных держав были нам совершенно неизвестны. Отправляя в 1701 году Толстого (наш первый посол в Турции), Петр наказывал ему узнать «какое европейское государство турки больше уважают, какой народ больше любят». О количестве войск и кораблей у иностранных «потентатов» сведений не имелось. «Великое посольство» Лефор­та (1697–1698) значительно расширило кругозор государя (принимавшего в нем участие под именем Петр Михайлов) и его спутников. Еще до того Петр узнал

много полезного от иностранцев, живших в России. Дружба с голландцами Брандтом и Тиммерманом (создатель «дедушки русского флота») пробудила симпатии Петра к Голландии и привела к предвзятой неприязни к врагу Голландии – Франции Людовика XIV. В 1692 году победа англо-голландского флота над французским при Хуге была отпразднована у нас иллюминацией и пушечной пальбой в Преображенском потешном городке (а какое дело могло быть Московскому государству до Франции?). Франко-русские отношения, таким образом, испортились раньше, чем успели завязаться.

Положение же дел в Европе представлялось в следующем виде. Со времени Итальянских войн конца XV и начала XVI века характерной и постоянной чертой европейской политики – ее главной пружиной – являлось соперничество Франции с Австрией – христианнейшего короля с римским императором.

Союзниками Франции в этой вековой борьбе были Турция и Швеция. Традиции франко-турецкой дружбы восходят к Франциску I и Сулейману Великолепному, а франко-шведской – к Густаву Адольфу и кардиналу Ришелье.

Эти два союзника королевской Франции являлись как раз нашими естественными противниками: столкновение России с ними при возобновлении процесса ее государственного развития было неизбежно, начертано на географической карте. И это обстоятельство определило характер фран-

ко-русских отношений на весь XVIII век. Вот причина неизменной русофобской политики Бурбонов, традиции которой, несмотря на исчезновение самой причины, сохраняются французскими роялистами и поныне. Появление России на международном ристалище и возобновление ею своей национальной и традиционно великодержавной политики явилось для Франции событием в высшей степени нежелательным, как ослабляющее ее союзников и лишаящее ее их поддержки.

Воинственный Карл XII, не будь он поглощен борьбой с Россией, конечно, не пропустил бы случая ввязаться в Войну за испанское наследство, чем выручил бы Францию, пожившись и сам за счет Англии и Австрии и стяжав себе лавры Густава Адольфа на полях Германии. Поэтому в продолжение всего XVIII века версальский кабинет всегда являлся душой интриг против России; вспомним Шуазеля.

Петр Великий не сходил с слишком близко ни с одной из иностранных держав, благодаря чему при нем русская кровь не проливалась за чужие интересы.

18 августа 1700 года был подписан мир с Турцией, а на следующий день, 19 августа, была объявлена война Швеции. Для России начинался славнейший период ее истории.

Великая Северная война

Готовясь к войне с могущественным северным соседом

(количество населения Швеции тогда превышало Россию), Петр заручился союзом с Данией и Польско-Саксонским королевством. Дания чаяла возвращения областей, отторгнутых от нее Швецией по Копенгагенскому и Альтонскому мирным договорам. Польский же король Август II, курфюрст Саксонский, избранный по смерти Собесского в 1697 году, надеялся этой войной, предпринятой под предлогом возврата Польше Лифляндии, упрочить свою шаткую власть в Речи Посполитой.

Союз был заключен в 1699 году. В том же году польско-саксонские войска вошли в Лифляндию, открыв этим кампанию. Россия военных действий пока не начинала, занятая мирными переговорами с Турцией и устройством своей армии.

Состояние этой последней (около 60 000) оставляло желать лучшего. Ненадежные элементы были, правда, удалены, но вновь сформированные полки, за исключением четырех старых, имели характер импровизированных войск. Призванные на службу даточные люди были необучены, недисциплинированы, плохо одеты и снаряжены. Большую часть высших и значительную средних командных должностей занимали, как мы уже видели, иноземцы, незнакомые с русскими условиями, обычаями, традициями, даже языком. В своем большинстве они презирали и третировали свысока своих русских сослуживцев и подчиненных, плативших им дружной ненавистью. Это взаимное недоверие «верхов» и «ни-

зов», в связи с общим неустройством импровизированных «мужицких» войск, предвещало мало хорошего при столкновении со шведской армией, по справедливости считавшейся тогда лучшей в мире.

В Великой Северной войне мы можем различить три периода. Первый – период коалиционной войны и триумфа шведского оружия (1700–1706). Нарва и Фрауштадт знаменуют собой апогей славы суровых протестантских полков.

Второй и решительный период – единоборство России со Швецией, закончившийся достославною полтавскою викторией (1707–1709). Третий период (1710–1721) от Полтавы до Миштадта – через Фридрихштадт, Гангут и Гренгамн – это добивание Швеции совместно с бывшими союзниками, немедленно поспешившими на помощь победителю. Прутский поход представляет собою отдельный эпизод этого третьего периода и имеет с ним тесную внутреннюю связь.

Первый период

В марте 1700 года военные действия были открыты датчанами. Датский король вторгся с войском в шведскую Голштинию (на которую он претендовал), оставив свои владения незащищенными. Этим немедленно воспользовался Карл XII – и нанес Дании молниеносный, сокрушительный удар. С небольшой, но отборной армией он в мае внезапно высадился на о. Зеландия и угрозой сжечь беззащитный Ко-

пенгаген заставил датского короля положить оружие. Мир с Данией (в Травендале) был заключен 18 августа – таким образом, в самый момент выступления России один из членов коалиции выбыл уже из строя.

Решив бить своих противников по очереди, Карл XII из Дании морем отбыл в Лифляндию против поляков и саксонцев, осадивших было Ригу. Однако король Август, встретив отпор гарнизона и узнав о прибытии в Пернов шведской армии, счел за благо снять осаду и ретироваться восвояси.

Оставался третий враг – «московиты». Действующая русская армия – 3 дивизии, силой в 42 000 человек при 145 орудиях – вторглась в сентябре в шведские пределы. План Петра заключался в овладении Ингерманландией для разъединения шведских владений – Финляндии с Эстляндией и Лифляндией. Для этого надлежало осадить и взять Нарву, которую царь, по примеру своих предшественников, считал ключом к Ингрии. Малочисленность шведских гарнизонов, казалось, способствовала успеху операции. Армией командовал герцог де Круа – французский гугенот, недавно принятый на службу и занявший место, но, увы, не заменивший покойного Гордона. Резервы в Москве устраивал князь Аникита Репнин.

Осада Нарвы затянулась, и осаждающие, вследствие плохого своего устройства, стали испытывать большие лишения, нежели осажденные. Петр I отбыл в Москву из армии наладить продовольственную часть.

Тем временем к Нарве подошел Карл XII – и 19 ноября 1700 года русская армия потерпела здесь самое жестокое поражение за всю свою историю. Большой части ее пришлось положить оружие – остатки бежали к Новгороду, на резерв Репнина... Шведов было в пять раз меньше русских – всего 8000 человек при 37 орудиях. Сильная метель скрыла их приближение к русской позиции, но, несмотря на ее неожиданность, первая шведская атака была отражена. Внезапно вспыхнула паника в коннице Шереметева, вдруг обратившейся в бегство. Крик «Немцы изменили!» пронесся по всему лагерю, солдаты принялись избивать иноземных офицеров, которым оставалось лишь одно спасение – сдать-ся шведам. Гарнизон Нарвы под начальством энергичного генерала Горна, в свою очередь, предпринял вылазку. При втором натиске шведов все побежало. Дивизии Трубецкого и Вейде положили оружие сразу, третья дивизия Головина – лишь после упорного сопротивления, за что сохранила знамена и ружья. По капитуляции русская армия сдала шведам всю свою артиллерию, обоз, знамена и оставляла военнопленными всех генералов. Остальные отпускались. Карл XII, не считавший «этих мужиков» для себя опасными, совершил ошибку – он отпустил своих будущих победителей «и за нарвскую победу днем Полтавы заплатил»... Наши потери – 6000 убитыми и ранеными. Шведам эта победа даром не досталась – они лишились 2000 человек – четвертой части своего маленького войска. В память Нарвы, где Преоб-

раженский и Семеновский полки спасли честь русского оружия, офицерам этих полков и 1-й батарее лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады (бомбардирской роты) пожалован нагрудный знак – первый знак отличия русской армии.

Герцог де Круа поспешил вручить свою шпагу победителю, его примеру последовали почти все начальники из иностранцев. «Пусть сам черт воюет с такой сволочью», – заявил он при этом.

Полвека спустя, вечером Цорндорфского побоища, другой иностранец – и на этот раз великий полководец – выразился несколько иначе о русских солдатах – «этих людей легче перебить, чем победить!». Оба этих изречения – каждое верное для своей эпохи – нагляднее всего показывают размеры славного пути, пройденного русской армией в начале XVIII века, и позволяют оценить по заслугам труды «птенцов гнезда Петрова» и самого великого преобразователя.

Считая Россию окончательно выбывшей из строя, Карл XII обратил все свои усилия против Августа II. Война стала вестись на двух отдельных театрах: польском (главные силы шведов с королем) и прибалтийском (заслон).

Оставив на этом последнем театре корпус Шлиппенбаха (8000) в Лифляндии и отряд Кронгиорта (6000) в Ингрии, Карл счел эти силы достаточными для удержания «русских мужиков», пусть даже и превосходящих их числом во много раз. По низложению Августа II с польского престола и после разгрома Саксонии (на что шведский король полагал од-

ну-две кампании) можно было бы добить «москвитов», если Шлиппенбах почему-либо не управился бы с ними до тех пор.

Ужас и смятение охватило Россию при известии о нарвском погроме. Армия лишилась начальников, задержанных в свейской неволе, – лишилась и всего своего «снаряда». Дух войск, даже и не бывших в деле, был подорван, в продолжении войны отчаивались...

По глухим просекам дремучих ингерманландских и новгородских лесов шли, погибая от голода и стужи, толпами и поодиночке, остатки разоруженного шведами сермяжного воинства – первой регулярной русской армии... Тысячи их погибли в ту памятную зиму – из уцелевших же вышли полтавские победители.

Среди общего уныния не терялся один царь, думавший только о скорейшем поправлении расстроенных дел. В течение зимы 1700–1701 годов реорганизована вся армия, вновь сформировано 10 драгунских полков, а из церковных и монастырских колоколов отлито 270 орудий – вдвое больше, чем потеряно под Нарвой.

К весне 1701 года главные силы русской армии (35 000) сосредоточились у Пскова под начальством Шереметева. Репнин с 20 000 был послан «для оказания сикурсу» Августу II, – но после поражения саксонцев под Люцаухсгольме вернулся назад.

Решено было двинуться в шведские пределы, но далеко не зарываться. В бой вступать лишь при наличии подавляющего численного превосходства и, действуя осторожно и осмотрительно, постепенно приучать войска к полевой войне, закаливая их переходом от более легких к более трудным задачам. Двести с лишним лет спустя, в 1917 году, тем же путем («наступления с ограниченной целью») воссоздал мораль и боеспособность своей армии французский Шереметев – генерал Петэн.

1701 год весь прошел в незначительных стычках, но в конце его – 29 декабря – Шереметев одержал первую крупную победу над шведами при Эрестфере (взято до 2000 пленных), что имело громадное влияние на дух русских войск. Трофеями в эту первую победу было 16 знамен и 8 пушек. Шведов перебито до 3000, наш урон – 1000 человек.

В 1702 году Петр Великий решил воспользоваться разобщенностью шведских сил и разбить их порознь. Шереметев в Ливонии должен был действовать против западного корпуса шведов – Шлиппенбаха, Петр же с главными силами шел на север в Ингрию – против Кронгиорта. Главным оперативным направлением вместо западного – «нарвского» – стало северное – линия Невы.

Получив известие о движении шведского флота в Белое море и угрозе Архангельску, Петр поспешил туда. Шведы были отражены, и в устье Северной Двины над ними одержана первая морская победа (захвачен фрегат). В августе 1702

года русская армия тронулась в обратный путь с Белого моря на Ладогу по непроходимым скалам и лесам (причем солдаты на руках несли два небольших корабля – зародыш нашего будущего Балтийского флота).

Прибыв на Ладожское озеро, Петр, несмотря на начало осени, положил овладеть Ингрией и в первую очередь – линией Невы. Находившиеся здесь крепости – Нотебург (у Ладожского озера) и Ниеншанц (у Финского залива) – были гораздо слабее Нарвы, защищались небольшими гарнизонами, и утвердиться на взморье в устьях Невы было гораздо легче, чем в устьях Нарвы. Кроме того, вклиниваясь здесь в шведскую территорию, Петр разобщал Швецию и Финляндию с Ливонией.

После трехнедельной осады Петр овладел Нотебургом, переименованным в Шлиссельбург (Ключ-город), вслед за тем сдался Ниеншанц. Нотебург защищало всего 450 шведов под командой полковника Шлиппенбаха. Петр подступил к нему с 14 полками (28 000 человек с 43 осадными орудиями). 26 сентября крепость обложена, а 14 октября взята штурмом. Штурмовавший отряд князя Голицына (2500 человек) был сперва отражен, понеся жестокий урон. Царь приказал тогда Голицыну отступить.

«Скажи государю, – ответил посланному Меншикову Голицын, – что мы здесь уже не в царской, а в Божьей воле. Ребята, за мной!»

Эскапада удалась, несмотря на жестокий огонь. Наш урон

– до 1500 человек (538 убитыми, 925 ранеными) – в три с половиной раза больше, чем было гарнизона. Шведы выпущены из крепости с воинскими почестями и, в воздаяние храбрости, с пулями во рту. (Их уцелело едва 150 человек.) Ниеншанц защищало 600 человек (полковник Апполон) с 28 орудиями.

Тем временем в Ливонии Шереметев 18 июля наголову разбил Шлиппенбаха при Гумельсгофе, совершенно уничтожив его корпус. При Гумельсгофе наши силы были в подавляющем превосходстве, 30 000 против 7000 шведов. Бой велся с крайним ожесточением: 5500 шведов перебито, всего 300 взято в плен с 16 знаменами и 14 орудиями. Наш урон 400 убитых и 800 раненых.

В 1703 году на месте Ниеншанца был заложен Санкт-Петербург. Заветная мечта царя осуществилась. Россия твердо ногою стала на берегах Балтийского моря! Весь этот год продолжалась мелкая война в Ливонии и Эстляндии и окончательно завоевана Ингрия. Были взяты Копорье и древний Ям (на месте коего заложен Ямбург). Всюду оставлены крепкие гарнизоны. Утвердившись на Неве, Петр обратился на свой западный фронт – и весною 1704 года двинулся в Эстляндию. Штурмом взяты Дерпт и Нарва. У Шереметева под Дерптом было 23 000 человек при 46 осадных орудиях. Крепость защищало 5000 шведов со 133 орудиями. Осада началась 10 июня, штурм произведен в присутствии царя в ночь на 12 июля. Нарву защищал тот же комендант, что и в 1700 го-

ду – генерал Горн, имевший 4800 человек при 432 орудиях (считая с запасными). Штурм, при личном участии Петра, имел место 9 августа (осада началась 27 июня) и отличался жестокостью – из всего гарнизона осталось в живых 1848 человек. Петр I прекратил начавшийся было грабеж, собственноручно заколов одного солдата-грабителя. В то же время в Польшу, на помощь Августу II, двинут корпус князя Голицына (12 000).

Таким образом, четырьмя кампаниями 1701–1704 годов шведские войска, оставленные против русских, были истреблены, большая часть Прибалтики завоевана, и русская армия силою до 60 000 – приучена к действиям в открытом поле.

Дела в Польше приняли тем временем дурной для наших союзников оборот. Карл XII, вторгнувшись в 1702 году в Польшу, овладел Варшавой и в ряде боев разбил польско-саксонские войска. Кампании 1702, 1703 и 1704 годов в общем походили одна на другую: Карл XII выступал в поход из варшавского района, Август II, пользуясь уходом шведов, занимал свою столицу. Шведский король возвращался тогда и гнал Августа по всей Польше... Военное счастье неизменно сопутствовало шведскому оружию, причину чему надлежит искать в превосходных качествах и организации шведской армии. Блестящие победы над сильнейшим врагом создали юному королю ореол непобедимости – как в глазах собственных войск, так и в глазах врагов, дух которых на-

чал заметно падать. Саксонцы никогда не отличались особым искусством в ратном деле, о поляках вообще нечего говорить: постоянной армии у них в этот упадочный период почти не существовало – ополчение же (т. н. «посполитое руженье») было качеством ниже нашей «нарвской» армии. Войну эту вели, собственно говоря, шведы с саксонцами на территории польского государства, польские контингенты были и у тех, и у других (сторонники Августа, сторонники шведов, партии Лещинского). В 1704 году по настоянию Карла XII сейм низложил Августа и провозгласил королем главу шведской партии – Лещинского. Август обратился за помощью к царю.

Шведский король не умел пользоваться плодами своих побед. Он гулял по Польше со своей небольшой, но превосходной армией, одерживал победы, но нисколько не заботился об упрочении своих завоеваний и организации завоеванных областей (это, впрочем, было трудно, принимая во внимание анархизм поляков). Стоило ему лишь удалиться из какой-нибудь местности, как ее немедленно занимал противник. Все завоевания Карла XII были поэтому бесплодны.

Овладев балтийскими провинциями и став твердой ногой в устьях Невы, Петр I решил перенести войну в Польшу. Весной 1705 года русская армия двинулась в Курляндию и к лету вытеснила оттуда шведские войска Левенгаупта. Верный своему всегдашнему обыкновению, царь оставил на завоеванной территории сильные гарнизоны.

Приведя в сентябре армию в окрестности Гродны, Петр сдал начальствование над ней Августу II, а сам уехал в Москву. Армия расположилась в Гродне на зимние квартиры.

В декабре 1705 года Карл XII, стоявший в лагере у Блоне, внезапно вывел большую часть своей армии из зимних квартир и быстрыми маршами двинулся с Варты на Неман – под Гродну. С ним было 20 000 отборного войска, и он надеялся принудить русских (25 000, почти исключительно пехоты и 10 000 союзников – саксонцев и поляков, главным образом конницы) выйти из гродненского лагеря и принять бой в открытом поле, где их участь была бы решена. 14 января 1706 года шведы установили блокаду Гродны.

Положение русской армии сделалось критическим, особенно после того, как Август II оставил ее на произвол судьбы, выступил из гродненского лагеря с саксонцами и кавалерией. Король Август увел с собой не только своих саксонцев, но и 4 русских драгунских полка. В составе русских сил у Гродны осталось 45 слабых пехотных батальонов и 2 драгунских полка.

Русские стали терпеть жестокие лишения, не будучи в состоянии, за отсутствием конницы, производить фуражировок. В лагере быстро развились цинга, тиф и всевозможные поварьные болезни, от которых к концу зимы погибло 8000 человек – примерно третья часть всего войска. Принявший начальство над армией фельдмаршал Огильви ни в коем случае не хотел рисковать битвой – благоприятный для шведов

исход ее был ясен, да и инструкции Петра категорически запрещали ввязываться в бой. Огильви был принят на русскую службу из саксонской в 1704 году. Хороший администратор, он наладил хозяйственную и строевую часть и известен составлением первых штатов («табели») русской армии.

Узнав о таком бедственном положении своей армии, Петр употребил все меры для ее спасения. Он сосредоточил 12 000 в Минске и приказал Мазепе с казаками (25 000) соединиться с ними для совместных действий по деблокаде Гродны. Когда же вовсе была потеряна надежда на помощь Августа II, царь приказал Репнину (фактически командовавшему армией за Огильви) держаться в Гродне до вскрытия рек, а затем, пользуясь прочно устроенным мостом через Неман и довольно значительным удалением шведских линий, перейти скрытно на левый берег Немана и отступить на Брест, или между Брестом и Пинском, с целью как можно скорее прикрыться болотами Полесья, а затем отступить к Киеву. В то же время царь стал готовиться к войне со шведами на собственной территории – он укрепил Смоленск, а для защиты от банд Лещинского провел от Пскова через Смоленск на Брянск укрепленную линию (в лесах – засеки 150–300 шагов шириною, на полянах – валы, на больших дорогах – укрепления, их охраняющие).

30 марта Огильви и Репнин вывели русскую армию из Гродны, уничтожили за собой мост и быстрыми переходами достигли Бреста, а после – Днепра. Не найдя моста, Карл XII

смог переправиться через Неман лишь 3 апреля, нагнать же русских ему уже не удалось.

Это отступление русских войск от Гродны является высоким образцом военного искусства. В то время оно вызвало восхищение иностранцев, и в первую очередь – самих шведов. Быстрота и скрытность маршей этой армии, ослабленной 75-дневным сидением и насчитывавшей в своих рядах добрую половину больных, сохранение ею своей артиллерии и обозов – все это явилось показателем ее высокой боеспособности и воинского духа. Армия де Круа – нарвская армия 1700 года – никогда не была бы способна на такое отступление.

8 июня главная русская армия (Петр I и Огильви) сосредоточилась у Киева. Она насчитывала 35 000 пехоты и 21 000 драгун. Кроме того, на Двине у Полоцка имелось 5000 штыков и 3000 сабель, прикрывавших Псков и Смоленск, а в завоеванных балтийских провинциях расположено гарнизонами 22 000 пехоты и 4000 драгун. Всего в распоряжении Петра имелось свыше 90 000, из коих около двух третей готовились встретить шведов под киевскими стенами.

Однако шведский король, дав своим войскам отдохнуть на Волыни, двинулся оттуда не на восток – в Россию, а на запад – в Саксонию, осознав наконец (на шестом году войны) важность занятия этой страны – единственного источника Августа II к ведению войны.

Выступив зимой к Гродне с главными силами своей армии, Карл XII оставил в лагере у Блоне 12-тысячный корпус генерала Рейншильда. Командовавший русско-саксонской армией генерал Шуленбург решил воспользоваться уходом главных сил противника и атаковать шведов на их квартирах. Однако Рейншильд сам двинулся навстречу Шуленбургу и, несмотря на двойное превосходство сил русско-саксонской армии, совершенно истребил его в сражении под Фрауштадтом. При Фрауштадте 13 ноября 1706 года 12 000 шведов сражалось с 20 000 союзников. Эти последние лишились 6000 убитыми и ранеными и 8000 пленными (в том числе начальник русской дивизии генерал Востромирский), 68 знамен и 75 орудий. Урон победителей – 1400 человек – в 10 раз меньше побежденных.

Фрауштадтский погром явился для Саксонии тем же, что Нарва для России. Однако Август не был Петром – и саксонцы не были русскими! Никто не подумал переливать колоколов в пушки и выставлять новую армию. Август II бежал в Краков, бросив свою страну, – как незадолго перед этим бежал из Гродны, покинув вверенную ему Петром русскую армию.

Карл XII, выступив из Волыни, прошел всю Польшу и, соединившись с Рейншильдом, покорил без труда в течение августа месяца всю Саксонию.

Остатки саксонских войск бежали на Рейн... Шведский король расположил свою сильно утомленную армию на Эль-

бе, у Альтранштадта, оставив у Калиша корпус Марденфельда (7000 шведов и 20 000 поляков партии Лещинского) – наблюдать за остатками войск Августа (15 000 саксонцев, русских и поляков, достаточно деморализованных, чтоб считаться сколько-нибудь серьезным противником).

Курфюрст саксонский, король польский окончательно пал духом. Открыв переговоры о заключении мира (тайком от русских), Август должен был принять все условия Карла XII, отказаться от союза с Россией и от польской короны в пользу Лещинского. Мир был подписан в Альтранштадте в палатке победителя 24 сентября – и Август тщательно скрыл его от своего союзника – русского царя.

Следом за шведской армией из Киева, через Воынь и Малопольпу, шла конная армия Меншикова в составе 40 000 пик и сабель (20 000 драгун – вся конница Киевской русской армии – и 20 000 малороссийских казаков).

Подойдя к Калишу, Меншиков решил атаковать своими драгунами корпус Марденфельда и потребовал участия в бою войск Августа II, который волей-неволей поставлен был в необходимость принять участие, правда совершенно пассивное, в сражении.

Честь победы при Калише 18 октября 1706 года принадлежит исключительно русским. Марденфельд со шведами сдался, его польские союзники были рассеяны... Других войск у короля Лещинского не было, и Калишское сражение, – Фрауштадт с переменившимися ролями, – отдавало

снова всю Польшу в руки союзников. Калишский бой знаменит тем, что в нем с русской стороны не действовало ни одного пехотинца. Это чисто кавалерийская «драгунская» победа. У Меншикова было 17 000 драгун, у противника 27 000 человек, из коих 1000 убито, 4000, во главе с Марденфельдом, взято в плен, остальные рассеяны. Наш урон – 400 человек, в 13 раз меньше.

Счастье улыбалось Августу, но саксонский курфюрст боялся им воспользоваться. Страшась гнева шведского короля, он отправился в Саксонию уговорить Карла XII не расторгать договора, а Меншикова отослал на зимние квартиры вглубь Галиции. Мир Саксонии со Швецией был объявлен 1 ноября.

Отныне у шведского короля оставался один лишь противник – и вся тяжесть борьбы обрушилась на одну Россию.

Второй период войны

Сознавая те бедствия, которые придется испытать России от неизбежного теперь нашествия, Петр Великий пытался предложить Карлу XII мир, оговаривая для себя лишь сохранение Петербурга – «окна в Европу» и соглашаясь отдать все остальные свои завоевания. Однако Карл, считая это следствием боязни, предъявил самые унижительные условия, на которые русский царь, конечно, не мог согласиться.

России оставалось изготавиться к тяжелому единобор-

ству. Петр приказал усилить оборону Киева, Смоленска, Пскова и Новгорода, укрепить Великие Луки. На случай же самого несчастного оборота войны укреплялись Кремль и Китай-город. Устроено предмостное укрепление в Копысе на Днепре и исправлена линия засек Псков – Смоленск – Брянск.

В армию прибыли рекруты набора 1705 года (первого за войну), пополнившие ее ряды. Войска отдохнули под Киевом от гродненского сидения и утомительного отхода. В главных силах с лета 1706 года стало считаться 60 000 человек. По словам англичанина Витворта, видевшего армию в 1707 году, она «состояла из здоровых, статных, хорошо обученных молодцов и очень изменилась со времени кампании в Польше». Материальная часть и конский состав, правда, оставляли, по его словам, желать лучшего («оружие плохо, а лошади и того хуже»). Любопытно, что все иностранцы, видевшие русскую армию в первой половине XVIII века, весьма критически относятся к нашей коннице. Малорослая порода русских лошадей не выигрывала, конечно, при сравнении с рослым конским составом европейских армий. Австриец Парадиз, наблюдавший русскую армию 30 лет спустя после Витворта – в эпоху Миниха, – пишет, что «кавалерию за драгунов и почитать нельзя», лошади до того плохи, что ему «часто случалось видеть, как драгуны, сходя с коней, валяли их на землю». Это последнее утверждение надо отнести за счет развесистой клюквы, тем не менее доля правды

во всех этих суждениях, конечно, есть. Императрица Анна Иоанновна в одном из своих указов констатирует, что «до сего времени при нашей кавалерии употребляемые лошади по природе своей к стрельбе и порядочному строю весьма не способны...». Как бы то ни было, при всех этих недостатках русская конница имела победы, каких никогда не имела и не будет иметь конница других стран. Имена Калиша, Лесной, Полтавы, Переволочны, Пасс-Круга, Палцига и Кунерсдорфа тому доказательство.

На военном совете в Жолкиеве (квартиры Меншикова) был выработан план действий, вполне согласный с обстановкой. Во исполнение его главные силы нашей армии весной 1707 года перешли из киевского района в район Вильна—Минск, причем непроходимое Полесье огибалось маршами к Висле, а оттуда к Неману (движение совершалось по неприятельской стране, но Карл XII был далеко, а Лещинский бессилен). Оборона Киева поручалась Мазепе с казаками.

Таким образом, на севере Полесья Петр решил вести упорную активную оборону границ, а на юге пассивную, возлагая эту последнюю задачу на малороссийскую милицию, особенно пригодную для защиты своего родного очага.

Весь 1707 год прошел в усиленных приготовлениях к войне обеих сторон. Окончив приготовления, Карл выступил в поход на Россию. Глубокой осенью двинулся он из Познани в Литву. С ним было 35 000 человек (из общего числа 116 000, которыми он мог бы располагать). Из 116 000 шведов

35 000 было при короле, остальные были разбросаны по всему северо-востоку Европы – 16 000 Левенгаупта в Лифляндии, 15 000 Либекера в Финляндии, 8000 генерала Крассова оставили в Польше поддерживать шаткий трон Лещинского, а 42 000 стояли гарнизонами в Прибалтике, шведских владениях в Германии (Померания и Голштиния) и самой Швеции. 29 декабря он перешел по льду Вислу и двинулся в Мазовию по кратчайшей дороге – дремучими лесами, встречая всевозможные препятствия со стороны враждебного населения. Его авантюристической натуре всегда хотелось идти по линии наибольшего сопротивления.

В феврале 1708 года шведский король расположил свое изнуренное войско на квартиры у Сморгани. Петр I сосредоточил всю армию в Чашниках: отсюда он мог предупредить неприятеля либо в днепровском тет-де-поне, Копысе (если бы Карл продолжал свое движение на восток – к Березине и Днепру), либо в Полоцке (если бы он пошел на север к Двине и дальше в Прибалтику). Авангард Меншикова (драгуны) стал в Минске, опустошив всю округу.

Свой поход в Россию Карл XII мог начать двояким образом: 1) отнять у русских их завоевания в Прибалтике и, соединившись с оставленным там корпусом Левенгаупта, направиться вглубь России, 2) действовать прямо против русской армии. Первый план отвечал в своем начале идее стратегической обороны, а оборону шведский король решитель-

но отвергал в продолжение всей своей военной карьеры. Поэтому он избрал второй план – двинуться прямо на русских.

Для этого единственный удобный путь был от Минска на Смоленск и Москву – коридор между Двиной и Днепром – классический путь нашествий на Россию с Запада. Несомненно, этот путь и был бы избран Карлом, если бы не измена Мазепы, обязавшегося по договору дать шведам зимние квартиры в Северной области (нынешняя Черниговская губерния), довольствоваться их в течение всего похода и присоединиться к ним со всеми казаками, как малороссийскими, так и донскими.

Поэтому Карл XII решил начать завоевание России с Украины. Кратчайший путь туда, в частности в «обетованную землю» – Северскую область, – вел левым берегом Днепра.

С русской стороны на 1708 год было положено отступать вглубь страны, окружить шведскую армию летучими отрядами, тревожить и задерживать ее при всякой к тому возможности. Жителям – уходить в леса и болота, зарыв все, что не могло быть взято с собой. В Псковской и Новгородской областях всему мужскому населению было роздано оружие. Полагали, что шведы двинутся на Двину и в Лифляндию на соединение с войсками Левенгаупта. Армия стянулась к Бещенковичам.

7 июня 1708 года Карл XII открыл поход сосредоточением своей армии в районе Минска. Затем он переправился че-

рез Березину и двинулся к Днепру, отдав распоряжение лифляндскому корпусу Левенгаупта идти к нему на соединение в район Могилева, а финляндскому Либекера – двинуться на Новгород и Псков, срыв по дороге ненавистный Санкт-Петербург.

Стремясь не допустить шведов к Днепру, русские генералы сосредоточили до 30 000 под Головчином, но в происшедшем здесь 3 июля сражении потерпели совершенную неудачу и отступили на Оршу и Мстиславль с целью преградить неприятелю дорогу на Москву. Головчинская позиция была выбрана так неудачно, что артиллерия за дальностью расстояния не могла помочь пехоте. Бой происходил в густых зарослях, стеснявших маневрирование и делавших невозможным управление войсками, пришедшими после боя в совершенное расстройство, несмотря на незначительные сравнительно потери. Бой мог бы иметь для нас очень скверные последствия, но шведы не преследовали по тем же причинам. Наши потери около 1100 убитыми и ранеными, 600 пленными, до 12 орудий, шведов (бывших в слегка превосходных силах) – около 1500 убитыми и ранеными. Петр был очень раздосадован опрометчивостью генералов, давших этот бой и рисковавших разгромом армии. Репнин разжалован в рядовые, и ему приказано возместить из личных средств стоимость потерянных пушек и обозов. Царь остался также недоволен и войсками: «Многие полки в том деле в конфузию пришли, не исправили должности, покинули пушки, непоря-

дочно отступили, иные и не бившись, а которые и бились, то не солдатским и казацким боем...» Но Карл XII вместо того, чтобы настойчиво преследовать противника, повернул к Могилеву, овладел им и оставался там весь июль, давая отдых войскам и тщетно поджидая Левенгаупта. Оттуда он выступил в первых числах августа к Чирикову, но затем, неожиданно для русских, шведская армия вдруг повернула на север, заняла Старицу и снова здесь остановилась. Карл все ждал Левенгаупта. Наконец, отчаявшись в его скором прибытии, не имея от него вестей и полагая его еще далеко в Лифляндии, король в половине сентября повернул на Украину и пошел к Стародубу.

А Левенгаупт тем временем подходил уже к Днепру. Потерпи Карл еще немного и прибавь к двум месяцам бесплодного ожидания еще неделю – и обе шведские армии соединились бы. История не знала бы тогда сражения у Лесной, а может быть, и полтавской победы... Но в эту кампанию все начинало складываться фатально для шведов. Все гонцы Левенгаупта к Карлу были перехвачены русской конницей.

Движение шведской армии от Старицы к Стародубу (80 верст) через болота и непроходимую лесную чащу сопровождалось такими трудностями, что не доходя Стародуба Карл XII остановился и 15 дней собирал и приводил в порядок растянувшиеся войска.

Отлично осведомленный о движении шведов – и в частно-

сти Левенгаупта, – Петр I, как только узнал о предположенном их движении на Стародуб, немедленно распорядился об уничтожении всех запасов, накопленных Мазепой в Северной области, и о порче и без того скверных дорог.

Шведская армия получила нежелательный авангард в виде летучего корпуса Инфланда (4000 драгун), предшествовавшего ей и выполнявшего все разрушения. В то же время Шереметев с главными силами (40 000) шел параллельно шведам, заслоняя от них центрально-русские области, а Баур с 5000 драгун преследовал их с тыла.

Еще во время стоянки Карла в Старице, 30 августа Петр имел возможность (искусно воспользовавшись утренним туманом) разбить у Доброго 6-тысячный отряд генерала Рооса. Эта первая удача подняла дух войск, а через месяц после нее была одержана наконец крупная победа.

Поручив Шереметеву, Бауру и Инфланду «заматывать» армию шведского короля у Стародуба, Петр с легким отрядом в 12 000 человек (из коих 7000 драгун) пошел навстречу Левенгаупту и 28 сентября наголову разбил его 15-тысячный корпус в кровопролитном сражении при Лесной. Бой длился 10 часов с перерывом. Наш урон до 4000 человек – треть всего состава (1111 убитыми, 2856 ранеными). Упорно дравшиеся шведы лишились 8000 убитыми и ранеными, 1000 пленными, 44 знамен, 17 орудий и всего обоза с припасами для армии Карла XII. Князь Репнин заслужил здесь прощение, а Петр называл впоследствии Лесную «матерью Полтавской

победы».

Значение этого дела было громадно, и прежде всего в моральном отношении. Это была первая наша победа над шведами в превосходных силах. Материальные ее последствия были тоже очень важны, она лишала шведов столь нетерпеливо ими ожидавшихся боевых и жизненных припасов – в частности пороху. И под Полтавой шведская артиллерия будет молчать...

На Украине шведского короля ждали все новые разочарования. Мазепа – по настоянию которого был, собственно говоря, предпринят этот злополучный поход – привел с собой всего 3–4 тысячи разного сброда. Малороссийские казаки, не говоря уж о донских, остались верны России. Заготавливаемые запасы были уничтожены русскими драгунами, жители бежали, вместо обетованной земли шведы попадали в пустыню.

Соединившись с остатками войск Левенгаупта и перейдя Десну и Сейм (у Батурина), Карл XII расположил свою армию у Гадяча, Ромен и Лохвицы (на севере нынешней Полтавской губернии). Русская армия, следуя в общем параллельно шведам, шла на Глухов и Путивль и стала на зимние квартиры одновременно со шведами в половине ноября, у Лебедина. Оттуда были высланы отряды к Веприку, Миргороду, Полтаве и Нежину. Такое охватывающее положение давало возможность постоянно тревожить шведов внезапными набегами всю зиму.

Чтоб выйти из своего затруднительного положения, шведский король решил овладеть Белгородом, важнейшим узлом дорог южной России («Муравский шлях»). Однако оба его поиска в этом направлении потерпели неудачу. В первый раз, в декабре, – героическое сопротивление импровизированной крепостцы Веприк (в конце концов взятой) нарушило все расчеты шведов и сорвало их маневр. Во второй раз, в конце января, – тому воспрепятствовали внезапная оттепель, украинский чернозем, в котором увязли артиллерия, обоз, и неустойчивые, всюду поспевавшие и везде побеждавшие петровские драгуны.

Зима 1708–1709 годов была лютой, и шведской армии, терпевшей крайнюю нужду во всем и расположившейся частью – за недостатком квартир – биваком в степи, пришлось испытывать то же, что испытывала за три года до того русская армия в Гродно. Мало-помалу, постоянными налетами, к концу зимы русским удалось вытеснить шведов из их первоначального квартирного расположения и заставить их стать между реками Псел и Ворскла.

К весне 1709 года положение шведов сделалось критическим. Армия их уменьшилась, боевые припасы иссякли, надежды на восстание в Малороссии не удались. Турция все не решалась объявить войну России, Лещинский не был в состоянии оказать помощи... Находясь в крайнем положении, Карл XII решил осадить Полтаву, послушавшись сове-

та Мазепы (бывшим положительно его злым гением), утверждавшего, что в Полтаве шведы найдут продовольствие и большие запасы снаряжения. Король надеялся этим заставить Петра I поспешить на выручку гарнизона и принять битву. Спасти шведов и вывести их из малороссийской западни могла лишь победа. Пути к отступлению были отрезаны, мостов на Днепре не было.

25 апреля Карл осадил Полтаву. Гарнизон под начальством храброго полковника Келина (менее 7000 человек, из коих треть вооруженных мещан) мужественно встретил сильнейшего в пять раз противника (у Карла было еще 33 000, не считая казаков Мазепы). Два месяца длилась героическая оборона. Все штурмы были отбиты, Карл XII лишился примерно пятой части своей армии, израсходовал все боевые припасы и утомил окопными работами свои и без того истощенные войска. Гарнизон (7700 человек, из коих 2600 мещан) отбито три штурма, из коих последний стоил шведам 1676 человек. Шведская армия надорвала здесь свои силы. Конница Меншикова с половины мая производила диверсии в виду крепости (под Сенджарами отбито свыше 1000 русских пленных гарнизона Веприка и взято 8 знамен и 2 орудия). 15 мая гарнизон мог получить в подкрепление 900 человек и переговариваться с драгунами путем записок, вкладывавшихся в незаряженные бомбы. Осада длилась с 25 апреля по 27 июня – 63 дня. Урон гарнизона за это время – 1186 убитыми и 1720 ранеными, без малого 3000 – две пя-

тых всего состава. Вступив в Полтаву, Петр I снял шляпу перед Келиным.

Силы осажденных все же слабели, и царь двинулся на их выручку. 20 июня русская армия расположилась в 8 верстах от Полтавы, и сражение стало неизбежным. Готовясь к нему, Петр собрал все имевшиеся у него под рукой силы и довел свою армию до 42 000 человек. В то же время Карл, казалось, делал все, чтобы еще больше ослабить свою армию. 21 июня, уже зная, что на днях предстоит решительное сражение, он предпринял последний штурм Полтавы, понеся еще раз тяжкие потери и расстреляв последние артиллерийские снаряды. У него осталось для битвы 28 000 бойцов и всего 4 стрелявших орудия.

27 июня до рассвета шведы атаковали русскую армию, а в полдень расстроенные их толпы искали спасения в бегстве. Передовая русская линия состояла из 6 редутов, занятых двумя батальонами. За редутами стояла конница (17 полков), а за нею в укрепленном лагере пехота и артиллерия (56 батальонов, 72 орудия). На рассвете 27 июня шведы устремились на редуты, но после упорного боя могли взять только два. Шведская конница Рейншильда после 2-часового боя была опрокинута нашей с потерей 14 штандартов. Карл XII приказал пехоте Левенгаупта не задерживаться у редутов, а помочь своей коннице. Пройдя сквозь линию редутов, шведы расстроились (на что и рассчитывал Петр, устраивая эти редуты). Подступив к укрепленному русскому лагерю на 30

саженей, они были отражены картечью и отошли в беспорядке, причем правая их колонна генерала Рооса, атакованная драгунами Меншикова, бежала к самой Полтаве, где в шанцах и положила оружие. Полтава с этой минуты была уже деблокирована. Сражение прекратилось на короткое время, и Петр, ожидая вторичной атаки шведов, вывел часть войск из лагеря, намереваясь охватить шведов с обоих флангов («Канны»). Не дождавшись атаки, царь сам пошел навстречу врагу с 42 батальонами в 2 линии и 17 драгунскими полками на флангах. У шведов осталось всего 18 батальонов в 1 линию, 14 кавалерийских полков и 4 орудия (прочая артиллерия по недостатку в порохе оставлена в полтавских шанцах). Столкновение продолжалось всего полчаса, и в 11 часов все было кончено. Наш урон – 4635 человек, 11 процентов всей армии (1346 убитыми, 3289 ранеными), шведов перебито 9234 и в плен взято 18 746 при 137 знаменах и штандартах, 32 орудиях с фельдмаршалами Рейншильдом и Левенгауптом (в самом сражении взято свыше 3000 пленных, остальные сдались у Переволочны). Полтавская битва классический пример активной обороны – излюбленного способа действия Петра. Петр предполагал дать наступательный бой, но ему пришлось принять оборонительный. Заслуживают внимания отличная фортификационная подготовка поля сражения (редкая для эпохи) и осмотрительность всех действий Петра. Половина шведской армии была перебита либо взята в плен. Другая половина, настигнутая драгунами Мен-

шикова, положила оружие на следующий день у Переволочны. С несколькими всадниками шведский король бежал в Турцию...

Так закончился второй период Великой Северной войны, период решительного единоборства Швеции с Россией, Карла XII с Петром Великим. Солдаты Петра завершили под Полтавой дело, начатое дружинниками Александра на берегах Невы. И целых два столетия с тех пор нога нашего западного врага, германского завоевателя, не оскверняла русской земли...

«Все славяне, где только ни сходились с немецким племенем, покорялись ему, – пишет немецкий историк Коль. – Германский дуб гордо распускался на их развалинах, и они мирно почили под его тенью. Был один день – и навсегда решилась бы судьба славянского племени, но этот день решил противное – это день Полтавской битвы. Петр Великий со своими Русскими за всех славян одержал эту вечно славную победу...»

Эта победа является первым днем великодержавности России, и весь великий XVIII век, век национальных устремлений – Россия праздновала день 27 июня.

Третий период Северной войны

Шведский король бежал в Турцию, его армия перестала существовать... Естественно, что у России при этих обстоя-

тельствах сейчас же опять нашлись друзья и союзники.

Август II, едва лишь получив известие о полтавской победе, поспешил объявить «продиктованный» ему Альтраншtedтский договор недействительным и двинулся в Польшу – возвращать себе корону. Станислав Лещинский бежал. Датский король, в свою очередь, не замедлил воспользоваться успехами русского оружия и в конце октября 1709 года высадил свои войска в Шонии (однако был разбит в феврале 1710 года шведским полководцем генералом Стенбоком). В конце февраля воюющие державы заключили в Гааге конвенцию, согласно которой шведские и датские войска в Северной Германии обязывались не участвовать в военных действиях.

Тем временем царь Петр, разделавшись со шведской армией, решил из-под Полтавы идти в Прибалтику – закончить завоевание балтийского побережья. Его превосходная армия прибыла из Малороссии в Лифляндию еще до наступления распутицы, и в ноябре Репнин осадил Ригу. У Репнина было до 32 000. Шведы (генерал Стромберг) защищались до последней возможности (с 9 ноября 1709 года по 4 июля 1710 года, 237 дней). Из 11 000 гарнизона сдалось 5000 с 564 орудиями. Чума произвела большие опустошения среди осажденных и осаждающих – от нее в три месяца умерло 9800 русских, почти треть всей осадной армии.

В 1710 году окончательно покорена Лифляндия. Пали последние оплоты шведов – Рига, Пернов, Динамюнде (Усть-

Двинск). В Финляндии – взятием Выборга на Финском заливе и Кексгольма на Ладожском озере – создан плацдарм, надежно прикрывший Петербург. В Выборге взято 4000 пленных. Кампания 1710 года носила характер крепостной войны, и кавалерия, которой в осадных работах нечего было делать, собралась под начальством своего гроссмейстера Меншикова в Польше – для «возведения паки на престол» Августа II и наблюдения за шведами в Померании (в случае несоблюдения ими гаагской конвенции Меншиков должен был их атаковать).

Однако дальнейшие успехи русского оружия временно были приостановлены. Происки Карла XII в Турции увенчались успехом, и Порта в ноябре 1710 года объявила войну России.

Прутский поход

Зимой с 1710 на 1711 год неутомимые русские полки выступили с Невы на Днестр. Петр заручился союзом господарей Молдавии – Кантемира и Валахии – Бранкована и содействием Польши. Кантемир обязался выставить 10 000, Бранкован 50 000 (из коих 20 000 сербов), Август двинул в Северную Молдавию 30 000 человек, на усиление коих отправлен русский корпус Долгорукого (12 000). Всего у Петра было до 50 000. Со 100 000, обещанных союзниками вспомогательных войск, это должно было составить внушительную силу – «более чем достаточную для удержания за нами побе-

ды» – по словам самого государя. Кроме этой главной армии было образовано еще две: одна – графа Апраксина в составе 20 000 регулярных войск, 40 000 казаков, 20 000 калмыков – должна была идти Муравским шляхом на Крым, другая – князя Голицына (15 000 регулярных войск, 30 000 казаков) – от Чигирина двигалась на Очаков. Таким образом, для войны с Турцией – «турецкой акции» – Россия выставляла до 90 000 регулярных войск, 80 000 казаков и 20 000 калмыков – с силами, обещанными союзниками, это должно было составить до 30 000 войска.

В конце мая 1711 года русская армия подошла к Днестру. Авангард Шереметева дошел до Прута, где соединился с Кантемиром. Здесь русские узнали, что в Молдавии никаких запасов нет, а набор молдаванской армии производится туго: в 17 полках, организованных на русский образец, было не более 7000 человек. Обозы с продовольствием для армии, шедшие из Киева, были перехвачены в Подолии татарами. Положение становилось серьезным.

Перейдя Днестр у Сорок, Петр 20 июня созвал военный совет, на котором было решено двинуться вперед. Только генерал Галард заметил, что русская армия находится в том же положении, в котором был Карл XII, вступая в Малороссию.

Испытывая большие затруднения от недостатка припасов, преодолевая сильный зной, русская армия вступила в Бессарабию. Надеясь на союзников, поляков и валахов, Петр смело шел вперед. Однако польская армия и корпус Долгоруко-

го, дойдя до молдавской границы, остановились в Буковине и заняли выжидательную позицию – Бранкован же просто передался туркам.

Тем временем великий визирь Балтаджи-паша приблизился к Дунаю с 300 000 войска при 500 орудиях. Переоценивая силы русского царя, он остановился в нерешительности у Исаки. Султан, опасаясь общего восстания христиан, предложил Петру мир при посредничестве патриарха Иерусалимского и Бранкована. Турция предлагала России все земли до Дуная: Новороссию с Очаковым, Бессарабию, Молдавию и Валахию... Петр I ответил отказом, совершив этим крупнейшую ошибку своего царствования.

Заняв Яссы, Петр двинулся правым берегом Прута к Дунаю, отрядив вперед летучий авангард генерала Ренне, куда вошла почти вся кавалерия, и приказал ему овладеть Браилом. Ренне быстро двинулся в Валахию, взял Браил и занялся закупкой продовольствия и формированием валахских войск. Однако его донесение было перехвачено, и Петр так и не узнал о взятии Браилова.

Великий визирь, перейдя Дунай с главными силами, быстро двинулся вверх по Пруту на Яссы. 8 июля произошло первое столкновение его с русско-молдавским авангардом, причем молдаване бежали. Ночью вся русская армия отступила на соединение с арьергардом Репнина, предав огню лишние тяжести. Турки не преследовали. 9 июля русская армия

соединилась в Станилештах и стала укреплять лагерь, но турки повели яростную атаку и захватили часть обозов, не успевших въехать за рогатки. Нападение это и два следующих были отбиты с большим уроном для турок. Русских было 38 000 при 122 орудиях, турок 170 000 и 469 орудий. Наш урон 2872, у турок выбыло до 7000. Тем не менее положение русской армии стало отчаянным: позиция ее представляла собой четырехугольник, задний фас коего составляла река. Турки, установив многочисленную артиллерию на командующих высотах, могли громить наш лагерь безнаказанно. Массы стрелков делали даже невозможным пользование водой... Армия была окружена в пять раз сильнеешим противником.

Участь России была в тот день в руках великого визиря. Даже если бы русским удалось пробиться сквозь кольцо врагов, отступление обратилось бы для них в катастрофу; все переправы через Прут были в руках турок, остатки армии очутились бы в Молдавии, как в мышеловке, и их постигла бы участь шведов у Переволочны.

Величие Петра сказалось в эти трагические минуты в полном блеске. Готовясь к последнему бою, он заготовил указ сенату: в случае пленения его государем не считать и его распоряжений из плена не выполнять.

Но Бог хранил Россию. Визирь Балтаджи согласился на переговоры и не использовал своего исключительного стратегического положения (бывшего более благоприятным, чем

впоследствии у Мольтке под Седаном). Уступчивость визиря объясняют различно. Одни полагают ее следствием подкупа (драгоценности Екатерины), другие объясняют ее бунтом янычар. Последняя гипотеза гораздо правдоподобнее, кроме того, на визиря должна была произвести впечатление стойкость наших войск в бою 9 июля и чувствительные потери в лучших турецких войсках. Интересы Швеции и ее беспокойного короля не трогали флегматичного азиата, решившего заключить мир, раз его предлагали на условиях, приемлемых и даже выгодных для Турции. Переговоры велись спешно (дабы предупредить Карла XII, скакавшего в турецкий лагерь с требованием не уступать) и 11 июля привели к Прутскому договору: Россия возвращала Турции Азов с его округом и обязывалась скрыть укрепления на Днепре и Дону и Таганрогскую крепость. Кроме того, Петр обязывался не вмешиваться в польские дела и давал Карлу XII пропуск в Швецию. Трудно представить себе, что было бы с Россией, если бы Петр погиб на Пруте. При несчастном Алексее Петровиче ей бы пришлось пережить новое смутное время. Все старания и достижения Петра пропали бы даром. Вообще же Прутский поход – это война пропущенных возможностей. Согласись Петр на предложение султана – и граница России тогда же пошла бы по Дунаю. Исполнена была бы мечта Святослава... Молдавия и Валахия, войдя в состав Империи, за 200 лет ассимилировались бы совершенно – и мы не имели бы враждебной Румынии. Не надо было бы проливать пото-

ки крови под Очаковом, Измаилом, Рущуком, в Силистрии и вести пять войн за сто лет. Болгария и Сербия были бы освобождены от турецкого ига на сто лет раньше – Румянцевым, ставшим бы Забалканским, а не Задунайским, Суворов вместо Измаила штурмовал бы Адрианополь, а Кутузов продиктовал бы мир Порте не в Бухаресте (бывшим бы тогда русским губернским городом), а в Царьграде. Вся история России сложилась бы иначе...

Ошибку примерно такого же порядка совершил и Балтаджи-паша. Этому визирю мы обязаны многим.

Окончание Северной войны

Карл XII не признал гаагского договора о ненападении шведских и датских войск в Северной Германии, и поэтому датский и польский короли напали на Голштинию и Померанию. Несогласованные их действия не имели успеха ни в 1711, ни в 1712 году.

В конце 1712 года Петр I смог снова принять участие в войне (Меншиков оставался в Киеве до 1713 года, наблюдая за турками). Желая одержать победу без русских, союзники атаковали 9 декабря при Гадебуше шведскую армию Стенбока, но потерпели полное поражение. Подоспевший царь вступил в командование соединенными русско-датско-саксонскими силами (46 000) и 12 февраля 1713 года при Фридрихштадте разбил 16 000 Стенбока, который, будучи после

того загнан в крепость Тенинген, положил оружие с 12 000 войск. Диспозиция к этому бою написана собственноручно Петром и представляет собой важный документ для оценки полководческой деятельности царя. Петр тут намного опережает свою эпоху. Не будучи более в состоянии за отсутствием войск защищать свои владения в Германии, шведы заключили так называемый секвестрационный договор, по которому передавали их Пруссии. Один лишь комендант Штетина отказался признать этот договор и сдал свою крепость русским лишь после двухмесячной осады летом 1713 года. Гарнизон Штетина состоял из 4200 человек. Треть была перебита, сдалось 2800. За два с лишним месяца осады, с 11 июля по 21 сентября, мы лишились 184 убитыми и 365 ранеными.

Ликвидировав армию Стенбока и выручив союзников, Петр осенью 1713 года перенес военные действия в Финляндию. Победы при Лаппо и у Наппы доставили нам всю эту страну... 14 июля 1714 года одержана морская победа при Гангуте.

В конце 1714 года Карл XII, рассорившись с султаном, которому стал в тягость, внезапно явился в Штральзунд в Шведской Померании, отказался признать секвестрационный договор, потребовал от прусского короля возвращения сданных ему (как бы «под расписку») шведских земель и, не имея обыкновения считать своих врагов, – объявил войну

и этому государю... Однако неравенство сил было слишком велико, и шведы потеряли зимой 1714–1715 годов последние свои владения в Германии – Штральзунд и Висмар. К союзникам присоединилась и Англия (король британский был в то время курфюрстом ганноверским и рассчитывал округлить свои германские владения за счет Швеции). В Дании собралось свыше 35 000 русских войск. Петр I начальствовал на Балтийском море флотом четырех держав.

Союзники решили было высадиться в Швеции, но среди них возникли разногласия и раздоры (1715 и 1716 годов). Недовольный союзниками царь порвал с ними и вывел в 1717 году все свои войска из Дании и Германии.

Русский царь предложил шведскому королю союз. Россия должна была получить от Швеции балтийские провинции и южную часть Финляндии, взамен чего русская армия, соединившись со шведской, должна была помочь Карлу XII вернуть свои владения в Германии и Норвегии. В самый разгар русско-шведских переговоров Карл, уже изъявивший согласие на союз с Россией, был убит в Норвегии при осаде Фредериции.

Его сестра и наследница Ульрика Элеонора прервала переговоры. Заключив в 1719 году мир со всеми союзниками и заручившись союзом с Англией, она решила продолжать борьбу с Россией.

Начавшись на суше, Северная война кончалась на море... «Вторая рука потентата» завершила дело первой. Желая на-

стоять на своих условиях, Петр I выставил сильный флот. Не обращая никакого внимания на высланный для выручки Швеции английский флот – в те славные времена наша дипломатия английских кораблей еще не боялась, – царь в 1719 и 1720 годах опустошил десантами весь восточный берег Швеции, внося войну в шведские пределы. 27 июня 1720 года, в одиннадцатую годовщину Полтавы, Голицын разбил шведский флот у Гренгамна. Это было последнее сражение двадцатилетней войны.

Мир был подписан в Ништадте 10 сентября 1721 года. Россия получила Лифляндию, Эстляндию, Ингрию, Южную Финляндию до линии Кексгольм – Выборг включительно и, «позолотив пилюлю» шведам, уплачивала Швеции небольшое вознаграждение. Русский флаг развевался от Выборга до Риги, Балтийское море переставало быть шведским озером.

Восточные дела и персидская война

Закончив Северную войну – великое дело своего царствования, Петр обратил свои взоры на Восток.

Еще в 1717 году, когда кризис Северной войны благополучно миновал, царя занимал вопрос отыскания сухого пути в Индию. Один из ревностных поборников этого похода князь Бекович-Черкасский отправился с северного берега Каспийского моря пустыней Усть-Урт вдоль сухого рус-

ла Аму-Дарьи с отрядом в 3000 человек (на большее число нельзя было запасти продовольствия). Характерный штрих для эпохи – в состав отряда Бековича входил эскадрон из пленных шведов. Вспомним, что после Полтавского сражения пленные шведы при оружии показывали Петру экзерцицию по их уставу. Содержась в различных городах России, пленные помогали при случае местным гарнизонным войскам отправлять караульную и гарнизонную службу. Шлиппенбах, взятый в плен под Полтавой, занимал ответственные административные должности и был даже возведен Петром в баронское достоинство. Ненависть и озлобление к противнику появились лишь в XIX веке, с введением варварской системы «вооруженных народов». Однако весь отряд и сам Бекович пали жертвой вероломства хивинского хана под самыми стенами Хивы.

Немногим счастливее был другой отряд – капитана Бухгольца (1400 человек), двинувшийся на Индию из Сибири – от Тобольска вверх по Иртышу – и остановленный враждебностью киргизов и недостатком продовольствия. Оба этих отряда, не имевшие даже карт, были слишком многочисленны для мирного посольства и слишком слабы для успешной военной экспедиции.

Идею проникновения в Среднюю Азию пришлось оставить... Петр решил пройти в Индию другим путем.

В 1718 году был заключен торговый договор с Персией, оставшийся, однако, мертвой буквой вследствие несоблю-

дения его персами. В этой стране царила анархия, от которой сильно страдала русская торговля. Чтобы положить конец бесчинствам, подать помощь законному шаху Тамаспу и заставить персов уважать русское имя, решено предпринять против них поход, и в приготовлениях к этому походу прошла зима 1721–1722 годов, первая зима по заключении Ништадтского мира.

Весною 1722 года назначенные в «персидскую акцию» войска собрались у Астрахани. Пехота и артиллерия (22 000 человек) взяты на корабли, конница и иррегулярные войска (9000 драгун, 20 000 донских казаков и 30 000 татар и калмыков) следовали на Персию берегом моря – через Дагестан. Пехоту составили 2 полка, Ингерманландский и Астраханский, и по 1 батальону от 20 полков. 18 июля флот отплыл от Астрахани, а 27-го войска, руководимые царем, высадились в устьях Терека на Астраханской косе.

Сколько-нибудь значительных боевых столкновений в эту войну не произошло. В конце лета и осенью было занято все каспийское побережье, и вся Северная Персия (три провинции, с Баку, Дербентом, Астрабадом и Рештом, переименованным в Рязь) превратилась в русскую область. Каспийское море сделалось русским озером.

Оккупационные войска составили Низовой корпус, вначале из 9 полков, названных по именам новоприсоединенных персидских городов и ханств. Из этих 9 полков сохранились Апшеронский и Ширванский – украшение русской пехоты.

Присоединив к России Северную Персию, Петр занял исходное положение для движения на восток – через Белуджистан в Индию, в обход среднеазиатских пустынь – либо на юг, к незамерзающему морю – Персидскому заливу и Индийскому океану.

К сожалению, ближайшие преемники Петра Великого не поняли всей огромной выгоды Русской Персии. Они видели лишь невыгоду содержания дорого обходящихся гарнизонов и администрации на далекой беспокойной окраине с нездоровым климатом. Сейчас же после смерти Петра начались длительные переговоры с персами об уступке этих завоеваний обратно, и в феврале 1732 года заключен договор, а в ноябре 1735 года наши войска окончательно оттуда выведены. Одна из самых блестящих возможностей развития российской великодержавности была упущена. А теперь на Персидском заливе царит Британская империя.

Петр великий как политик, организатор и полководец

Двадцатилетняя Северная война была великой школой для русской армии – русского полководца, русского офицера и русского солдата. В ее огне ковались и выковались те бесподобные полки, чьей стойкости и доблести удивлялась и завидовала двести лет Европа.

Двадцать лет упорнейшей борьбы – двадцать лет плано-

мерных последовательных усилий для достижения раз поставленной цели... Этого с Россией не случилось за всю ее восьмивековую историю – да и всемирная история со времен единоборства Рима с Карфагеном чрезвычайно бедна такого рода примерами.

Личность Петра встает перед нами во весь свой гигантский рост – со всеми ее достоинствами и недостатками. Достоинства проявились в области внешней политики и на войне, недостатки отразились на внутренней политике.

Этот последний вопрос как будто выходит за рамки настоящего труда, но на нем следует остановиться, указав на две капитальные ошибки великого преобразователя, сыгравшие печальную роль в дальнейшем ходе русской истории, – чрезмерное форсирование европеизации и «вавилонское пленение» Церкви.

Первая из этих ошибок невольно влекла за собой раболепство перед всем иностранным и недооценку и хулу всего русского, как бы недоверие к собственным достоинствам. Качества эти совершенно отсутствовали у Петра I лично, но на протяжении двухсот лет они явились самой скверной чертой русского характера – считать каждого малограмотного иностранца «барином», а каждого сколько-нибудь грамотного уже «авторитетом». Особенный вред это преклонение перед иностранщиной принесло, как мы увидим, в военном деле.

Что касается второй ошибки – упразднения патриарше-

ства, то она оказалась роковой для России. Будь в России в 1917 году патриарх, то к нему, а не к предателям с генерал-адъютантскими вензелями, обратился бы за советом император Николай Александрович – и все пошло бы по-другому. Во всяком случае, «временного правительства» мы не имели бы... Подчинение Церкви государству привело при Павле I к «цезарепапизму» (император – глава Церкви) – полному порабощению власти духовной властью светской со всеми отрицательными явлениями, с этим сопряженными, из коих угодничанье перед властями предержажими стоит отнюдь не на последнем месте. Чиновники в рясах из Святейшего синода подготовили дорогу комиссарам в рясах из «живой церкви».

Внешняя политика Петра безупречна (кроме отклонения турецких предложений в Прутском походе). Выгода России – вот единственный критерий, руководивший первым русским императором в его сношениях с иностранными державами. Петр выказывает себя на протяжении всей войны лояльным союзником. Он не любит связывать себя заранее обещаниями и договорами, но, раз дав слово, сдерживает его свято. Союзники не раз выручались русскими в различные периоды войны... Однако, лишь только царь увидел, что они совершенно не платят взаимностью и стремятся в действительности лишь эксплуатировать Россию, загребать жар русскими руками, – он немедленно порвал с ними все отношения и в дальнейшем вел войну совершенно отдельно.

Впоследствии эта мудрая петровская традиция была позабыта. Сколько несчастий удалось бы избежать России, если бы на протяжении двух столетий русская кровь лилась лишь за русские интересы.

Но где гений Петра сказался полностью – это в военном деле: в устройстве вооруженной силы и в предводительствовании ею. Гениальный организатор и крупный полководец, он значительно опередил во всех отношениях свою эпоху.

Основное положение Петра Великого как организатора выражено полностью его знаменитым изречением: «Не множеством побеждают».

Глава 8-я его «Устава Воинского» («о армии») начинается знаменательно: «В старине у римлян зело великия войска бывали, но Юлиус Цезарь в одном корпусе никогда не выше 50 тысяч имел, причем в таком порядке примерном обучении были, что ими мог надежнее великия дела творити...»

Элементу качества отводится главное место. Как этого добиться? Очевидно, путем наибольшего привлечения в армию того сословия, которое наиболее хранило воинские традиции и издревле предназначалось к отправлению ратной службы. И Петр издает указ, вводящий обязательную, личную и пожизненную службу дворян. По достижении известного возраста (16 лет) недорослей, так называемых «новиков», экзаменовали особыми комиссиями (грамота, «цыфирь» и прочая несложная премудрость). Не выдержавшие этого экзамена «писались солдатами» без выслуги, а выдер-

жавшие брались на государственную службу: две трети в военную, треть в гражданскую. От службы не освобождался никто. Таким образом, наиболее ценное в военном отношении сословие было использовано полностью.

Установив для дворянства личную воинскую повинность, Петр I придал рекрутской повинности других сословий общинный характер. Каждая община, сельская или мещанская, обязывались поставить по рекруту с определенного числа дворов (впоследствии – с числа душ), решив своим приговором, кому идти на службу. Рекруту должно было иметь от 20 до 35 лет, ничего другого от него не требовалось: военные приемщики должны были принимать «кого отдатчики в отдачу объявят и поставят». Община собирала поставленному рекруту деньги, обычно 150–200 рублей, что по тем временам представляло крупную сумму, раз в пять больше премии западноевропейским наемникам. Служба избавляла от рабства, и при Петре являлось много охотников из беглых крепостных. При Елизавете беглых перестали принимать, являвшихся секли и отсылали обратно к помещикам, чем совершалась громадная психологическая ошибка.

Итак, Петр сохранил основной принцип устройства русской вооруженной силы – принудительный характер обязательной воинской повинности, резко отличавшийся во все времена от наемно-вербовочной системы западных стран. Более того, принцип этот был еще ярче оттенен Петром: повинность эта объявлена пожизненной и постоянной (тогда

как в Московской России она носила лишь временный характер).

Система комплектования носила определенно территориальный характер. В 1711 году полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний. Каждый полк имел свой определенный круг комплектования – провинцию, дававшую полку свое имя. В Псковском полку служили псковичи, в Бутырском – солдатские дети Бутырской слободы, в Ингерманландском – жители северных новгородских пятин... Великий царь оценил все значение столь развитого в русском народе чувства землячества (первая ступень патриотизма). К сожалению, после Петра на сохранение территориальной системы не было обращено надлежащего внимания, полки непрерывно меняли свои квартиры и свои округа комплектования, переходя из одного конца России в другой. К половине XVIII века система эта совершенно заглохла, и в результате Россия – единственная страна, имевшая в начале XVIII века территориальную систему, к началу XX века является единственной страной, системы этой не имевшей...

Сухопутные вооруженные силы разделялись на действующую армию и местные войска – гарнизонные и ландмилицию, и казаков. Ландмилиция была образована из остатков прежних войсковых сословий (пушкарей, солдат, рейтар) в 1709 году и поселена на Украине для защиты южных границ. Губернии Архангелогородская и Астраханская содержали и комплектовали флот.

После Булавинского бунта Петр не особенно доверял казакам, но, понимая большое значение казачества в жизни Российского государства, селил казаков на окраинах. Неудачный поход Бухгольца в Среднюю Азию имел следствием учреждение Сибирского казачьего войска, а результатом Персидского похода явилось переселение части донских казаков на Терек, чем положено начало Терскому войску (названному сначала Астраханским).

Вся тяжесть рекрутской повинности легла на десять тогдашних великороссийских губерний (на юге и по сие время «москаль» является синонимом «солдата»). Малороссийское население служило в войсках милиционных, иррегулярных – ландмилиции и казачьих. Такой порядок – великороссы в солдатах, малороссы в казаках – продержался до екатерининских времен.

Перейдем теперь к полководчеству Петра. По определению генерала Леера, это был «великий полководец, который умел все делать, мог все делать и хотел все делать».

Полководческое дарование явилось у него лишь одной из сторон его могучего и сложного гения. Сила, яркость и гениальность его выявляются в полной мере при сравнении с дарованиями, тоже не малыми, его главного противника Карла XII.

У Петра ум государственный. Царь совмещает в себе политика, стратега и тактика – большого политика, большого

стратега, большого тактика. Это редкое в истории сочетание встречалось после него лишь у двух великих полководцев – Фридриха II и Наполеона. Гармония между этими тремя основными элементами военного искусства у царя соблюдена в полной степени, и его стратегия всецело подчинена политике.

Карл XII являет собой в этом отношении полную противоположность своему царственному противнику. Это блестящий тактик, вождь, увлекающий за собой подчиненных. Но это не стратег, а тем паче не политик... Шведский король ведет войну из любви к войне, и эта «физическая» любовь к войне, в связи с полным отсутствием государственного ума, привела в конце концов его армию к гибели, а его страну к упадку. В 1706 году он имел полную возможность кончить войну почетным для Швеции миром, но не захотел ею воспользоваться, а восемь лет спустя, уже после Полтавы, когда положение Швеции сделалось отчаянным, своим необузданным упрямством восстановил против себя нового врага – Пруссию. В этих двух случаях, взятых для примера из целого ряда им подобных, мы видим полное отсутствие у Карла политического глазомера, первого качества полководца, особенно венценосного.

Нет у него и глазомера стратегического. Четыре года подряд он блуждает в Польше, гоняя Августа II с места на место (и давая ценный отдых русской армии, учившейся тем временем воевать за счет злополучного Шлиппенбаха), вме-

сто того чтобы ударом по Саксонии сразу обезоружить своего противника. Организаторских способностей у молодого короля не наблюдается, понятие организованной базы у него отсутствует, он не умеет сохранить за собой завоеванной местности, и поэтому все его победы бесплодны. Едва лишь он покидает какую-либо местность в Польше – ее тотчас же занимает противник, вернее, она снова погружается в анархию, стихия которой начинается сейчас же за рогатками шведского лагеря. Получив от отца небольшое, но замечательно организованное и обученное войско ветеранов, он блестяще употребляет, но совершенно не щадит его. Зимой 1707–1708 годов с плохо одетой и плохо снабженной армией он бросается в глухие литовские леса и затевает совершенно бессмысленную партизанскую войну с населением исключительно для удовлетворения своей жажды к приключениям и совершенно не жалея войск... Он упускает возможность сосредоточить свои силы в 1708 году – перед тем, чтобы идти на Россию, и в русском своем походе делает второй шаг раньше первого...

В начале войны Карлу 19 лет. Юноша пылкий, запальчивый, упрямый и несдержанный, обладающий незаурядными способностями и не принимающий ни от кого советов, воспитанный на чтении деяний героев древности, имеющий ярко военную душу, но не имеющий ума великого полководца.

Он воображает себя Александром и в «московитах» Петра склонен видеть персов Дария. Вольтер замечательно удач-

но сказал, что «он не был Александром, но достоин был быть первым солдатом Александра...».

Если Карл ведет войну «ради войны», то у Петра ведение войны всецело подчинено его политике. Он ничего не принимает даром, руководясь всегда одними лишь интересами «государства Петру вверенного». Карл XII получил свою армию от отца готовой – Петр I создал свою собственными руками. Умея требовать от войск, когда придется, сверхчеловеческих усилий (до переноса кораблей на руках за сотни верст включительно), Петр никогда не расходует их сил попусту, зря. Стремления полководца, по собственным его словам, должны быть направлены к одержанию победы «малой кровью».

Уже кампания 1702 года, Ингерманландский поход, выявляет его стратегические дарования. Закрепление им за собой линии Невы в 1703 году, чем разобщались Финляндия с Ливонией, и выбор места для основания Санкт-Петербурга – Петропавловской фортеции – указывают на большой стратегический глазомер. Вывод армии из Гродны, произведенный в точности по его инструкции, является таким же шедевром военного искусства, как отступление сто лет спустя Кутузова из Тироля в Моравию и Цнаймский его маневр. Кампания 1708–1709 годов проведена Петром безупречно, в чем сознаются и шведские историки, самые пристрастные историки в мире.

Как тактик Петр далеко опережает свою эпоху. Он заво-

дит конную артиллерию, за сто лет до Наполеона и за полстолетия до Фридриха. Во всех его инструкциях войскам, особенно в знаменитых «фридрихштадтских регулах», красной нитью проводится идея взаимной выручки и поддержки частей – «секундирования единого другим» и согласованность действий различных родов оружия, вводится понятие боевого резерва. В первый период войны царь действует в высшей степени осмотрительно: качество шведской армии еще слишком высоко, и Петр примечает главную причину тактического превосходства шведов над молодыми русскими войсками – их «сомкнутость». И ей он немедленно противопоставляет полевую фортификацию. Петровская пехота владеет лопатой, как ружьем, становясь на бивак, обносит его немедленно шанцами. О полтавские редуты сомкнутость шведов и разбилась. Зная, что «не множеством побеждают», Петр принимает все меры, чтобы в решительный день оказаться в сколь можно превосходных силах (тогда как Карл XII всегда разбрасывает свои силы).

Обращает на себя внимание устройство конницы. При Петре вся она исключительно драгунского типа и великолепно обучена как конному, так и пешему строю. Драгуны были излюбленным родом оружия Петра, и подвиги их в Северную войну не имеют себе равных в истории других армий. Вспомним Калиш, эту исключительно драгунскую победу, Лесную, где наши силы на две трети состояли из драгун, Переволочну, где летучий корпус Меншикова заставил

положить оружие шведскую армию... Петр никогда не находил, что у него слишком много конницы, и три года, с 1707-го по 1710-й, оба гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, посаженные на коней, состояли на драгунском положении.

В общем, в тактике Петра преобладает элемент активной обороны, действий «по обращению неприятельскому», что отвечало обстоятельствам той эпохи. Чисто наступательные начала в русскую тактику были введены лишь в Семилетнюю войну Румянцевым при Гросс-Егерндорфе.

Из сподвижников Петра первое место должно быть по справедливости отведено Меншикову – творцу и настоящему гроссмейстеру русской кавалерии – центавров Калиша, Лесной, Полтавы и Переволочны. Ему не раз вверялась армия, и каждый раз он блестяще оправдывал доверие своего царя. Как кавалерийский начальник, предводитель конной армии, это деятель гораздо более крупный, чем Зейдлиц, Мюрат, Стюарт и Шеридан и смело может быть сравниваем с Румянцевым и Врангелем.

Велика заслуга перед русской армией и Шереметева, на долю которого выпала труднейшая из всех задач – перевоспитание «нарвских беглецов» и постепенное их закаливание –ковка молодой армии под стенами ливонских замков.

Крупную величину представляет и старший из трех Репниных XVIII столетия – князь Аникита Иванович. Его за-

слуги не были оценены надлежащим образом, а между тем ему обязана русская армия своим спасением из гродненской мышеловки.

Эти три главных военачальника Северной войны – русские. Но армия хранит имена двух иноземцев по крови и русских по духу – первых наставников ее в ратном деле, разумных и опытных советников юного царя в наиболее критическую эпоху его царствования – имена Франца Лефорта и Патрика Гордона.

Старый наш Устав 1648 года, хотя и подновленный Гордоном, уже не годился для войск, крещенных в огне Северной войны. И на смену ему в 1716 году пришел новый «Устав Воинский» – в своих основных положениях явившийся хартией русской армии на весь XVIII век. Мы не будем входить здесь в подробное рассмотрение этого замечательного документа, большую часть которого занимает разбор чинов и рангов и сопряженных с ними прав и обязанностей.

Уставом рекомендовалось на походе составлять «авангардию» из половины всей конницы, подкрепив ее, если возможно, несколькими легкими пушками; «кордебаталию» (*corps de bataille*) составляли «инфантерия» с артиллерией, затем шли обозы, и все замыкалось «ариергардией» из остальной конницы.

«Корволант сиречь легкий корпус» (*corps volant*) наряжается «для пресечения или отнимания паса у врага или оно-

му в тыл идти или в его землю впасть – до 6—7000 может всюду поворачиваться без тягости». Впрочем, он «может сочиняться не токмо от кавалерии одной» – туда может придаваться и пехота с легкой артиллерией. Отряд Петра при Лесной – типичный «корволант» – как и Меншикова под Калишем и Переволочной. Вообще Северная война, особенно же кампания 1708–1709 годов, изобилует примерами удачного применения «корволантов» с русской стороны.

Артиллерия, которая «яко движимый арсенал и магазин войск есть», составляла «яко бы особый корпус» (артиллерийские чины не совпадали, например, с пехотными либо драгунскими), исключая полковой, составлявший одно целое с пехотой и конницей. Строилась она «за полками или в середине фрунта». Прикрытие к ней от пехоты наряжалось исключительно из пикинер (мушкеты считались опасными в пожарном отношении). Прислуге при орудиях и даже пикинерам прикрытия по этой же причине воспрещалось курить. При артиллерии «обыкновенно имели свой стан» инженерные чины.

Занимая позицию, армия строилась в три линии. Единственный вид каре – полковой. Состоял он из 300 вздвоенных рядов (4 шеренги) – по 75 на фас. Развернутый строй был в 4 шеренги.

Штабные и нестроевые чины имели свою особую иерархию – независимую от строевой, что представляло много неудобств (и продержится до Аракчеева). Наконец, харак-

терной чертой Устава является недоверие к единоличным решениям, он предписывает всегда «коллегиальное» решение – созыв военного совета. Впрочем, Петр отдал здесь дань духу времени, эпохи расцвета «гофкригсрата».

Организация и быт петровской армии

Служба всегда начиналась с нижних чинов. Кандидаты в офицеры поступали рядовыми в один из гвардейских полков – Преображенский или Семеновский. Там, протянув лямку пять-шесть лет, а кто и более (смотря по способности), они получали звание гвардии капрала либо сержанта и переводились в армейские полки, «писались в армию» – прапорщиками либо подпоручиками. Оба гвардейских полка содержались в двойном против прочих комплекте (4 батальона вместо 2) и являлись питомником офицеров для всей армии, своего рода военными училищами, дававшими своим питомцам не только строевую, но и отличную боевую подготовку. На протяжении ста лет сквозь их ряды прошли все те, кто создал великую Россию XVIII века...

В кавалерии роль военного училища играл лейб-режимент, куда недоросли писались драгунами. Сперва, в эпоху Северной войны, это был Санкт-Петербургский драгунский, а с начала 20-х годов Кроншлотский, наименованный с 1730 года Конной Гвардией.

Роль офицеров гвардии, этих первородных «птенцов гнез-

да Петрова», и значение их в стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую) службу, но получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, например дипломатического характера, царских курьеров, ревизоров и т. д. Так, в обязанности обер-офицеров Гвардии входило присутствие в качестве «фискалов» на заседаниях Правительствующего сената и наблюдение за тем, чтоб господа сенаторы не занимались посторонними делами. Вообще петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки, подобно своему великому государю, пример которого был на глазах у всех.

Петр Великий понял значение офицера в стране и всячески стремился дать ему привилегированное положение. В Табели о рангах при равенстве чинов военные имели преимущество перед гражданскими и придворными. Всех рангов было 14:

- I ранг – генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер;
- II – генерал рода оружия (аншеф), адмирал, действительный тайный советник;
- III – генерал-поручик, вице-адмирал, тайный советник;
- IV – генерал-майор, контр-адмирал, действительный статский советник;
- V – бригадир, шаутбенахт, статский советник;
- VI – полковник, капитан 1 ранга, коллежский советник;
- VII – подполковник, капитан 2 ранга, надворный совет-

ник;

VIII – майор, капитан-лейтенант, коллежский асессор;

IX – капитан, лейтенант, титулярный советник;

X – штабс-капитан, коллежский секретарь;

XI – поручик, корабельный секретарь;

XII – подпоручик, мичман, губернский секретарь;

XIII – прапорщик, провинциальный секретарь;

XIV – коллежский регистратор.

В артиллерии чину прапорщика соответствовало звание штык-юнкера, а между поручиком и капитаном имелся чин капитан-поручика. Производство обер-офицеров в штаб-офицеры и из штаб-офицеров в генералы обуславливалось баллотировкой, и этот порядок, имевший, конечно, свои выгоды, но и большие неудобства, сохранился до самой смерти Петра. Иноземцы, поступая на русскую службу, прикомандировывались к генералам и штаб-офицерам, при которых несли ординарческие обязанности, присматриваясь к службе и овладевая языком. По окончании этого стажа они получали производство и зачислялись на службу. Оклады иноземцам в среднем были двойные, как и подобает наемникам. К концу царствования Петра I на верхах было около трети общего количества генеральских и штаб-офицерских чинов (в 1726 году в войске из 5 аншефов – 2 иноземца, из 19 генерал-поручиков и генерал-майоров – 8, из 22 бригадиров – 5, из 115 полковников – 82).

За особые заслуги жаловались ордена, Святого Андрея

Первозванного (первый и долгое время единственный русский орден, основанный в 1698 году), а в конце царствования и Святого Александра Невского (основан в 1722 году).

Управление войсками в мирное время сосредоточивалось в руках военной коллегии, учрежденной в 1719 году и имевшей первоначально 3 отделения («экспедиции») – армейское, гарнизонное и артиллерийское, ведавшие соответственно полевыми войсками, гарнизонными и материальной частью.

Высшие тактические соединения, бригады (2–3 полка) и дивизии (2–4 бригады) составлялись лишь в военное время. В мирное время высшей административной единицей был полк.

К концу царствования Петра I в армии считалось – пехоты: 2 гвардейских, 2 гренадерских и 42 пехотных полка (из коих 9 «низового корпуса» в Персии), всего 70 000 штыков при 200 орудиях полковой артиллерии; конницы: 33 драгунских полка – 37 850 человек, 100 орудий конной артиллерии; артиллерии: 1 гвардейская, 4 армейских канонирных роты – 4190 человек с 21 полковым и 160 осадными орудиями; сапер: 2 роты – инженерная и минерная. Всего в действующих войсках 112 000 строевых при 480 орудиях. Конница составляла, таким образом, третью часть полевых войск, а на каждую тысячу бойцов приходилось в среднем 3 пушки (не считая осадных). Кроме того, имелось 68 000 гарнизонных войск (50 пехотных и 4 драгунских полка), 10 000 ланд-ми-

лиции (4 пехотных и 16 конных полков) и 35 000 казаков.

Всего 225 000, а считая сюда личный состав флота – 250 000 пожизненных профессионалов.

Пехотные полки были в 2 батальона и состояли из 1 гренадерской и 7 фузилерных рот. Батальоны у нас появились лишь в 1698 году. До того полки делились непосредственно на роты. Оба гвардейских полка имели по 4 батальона. Многие армейские полки в различные периоды Северной войны имели тоже 4 либо 3 батальона. Каждый полк имел две 3-фунтовые пушки, на лафет которых могли быть, в случае необходимости, приспособляемы по две 6-фунтовые мортирки. Канониры носили форму полка и подчинялись полковому пехотному начальству. Орудия сопровождения Петровской эпохи весили 20 пудов и перевозились парой лошадей. Штатный состав пехотного полка был 1200 строевых. До 1708 года полки именовались по полковникам.

Каждая пехотная и драгунская рота имела свое знамя. Знамя 1-й роты считалось полковым и было белым, цвет остальных был по выбору полковника (чаще всего черным). Срок службы знамен был 5 лет, и они считались амуничными вещами, хотя потеря их уже тогда считалась позорной, и части могли быть лишаемы знамен по суду. (Штандарты в первый раз введены при образовании кирасир в 1733 году.)

Вся конница была драгунской. Драгунский полк состоял из 5 эскадронов по 2 роты, во всех 10 ротах считалось 1200 строевых (первые роты считались, как и в пехоте, гренадер-

скими). Каждому полку придавалось тоже две 3-фунтовые пушки, а кроме того, по одной 20-фунтовой гаубице, весом менее 30 пудов.

Вооружение бойца составляли в пехоте: фузея (ружье) и шпага у всех. Фузея весила 14 фунтов, штык («багинет») вставлялся в дуло, так что стрелять с примкнутым штыком было невозможно. Гренадеры имели помимо всего 2 гренадные суммы (по одной 6-фунтовой «гренადе» в каждой). Унтер-офицеры вместо фузеи имели саженные алебарды. Недостаток в ружьях вынудил Петра вновь ввести на вооружение пехоты пики (полупики, так называемые «протазаны») в 1707 году. Пикинеры (одно время свыше четвертой части всей пехоты) составляли в строю задние 4 шеренги и назначались преимущественно в прикрытие к артиллерии. Драгуны имели фузею, пистолеты и палаш. Фузеи носились в пехоте на плече, у драгун приторочивались к седлу (ремней не было).

Обмундирование состояло из длинного однобортного кафтана зеленого цвета (со времени Петра и до начала XX века, на протяжении двухсот лет, зеленый цвет являлся традиционным цветом обмундирования русских войск), камзола, коротких штанов до колен, зеленых же чулков и низких башмаков, на походе и караулах – сапоги, у драгун ботфорты. Зимой надевалась епанча – род плаща.

Довольствие было отлично. Ежедневный «порцион» состоял из фунта мяса, двух фунтов хлеба, двух чарок вина и

гарнца (кварти) пива. Ежемесячно выдавалось полтора гарнца крупы и два фунта соли. Царь сам испытывал на себе в продолжение месяца этот паек, раньше чем утвердить его. Солдату полагалось жалованья 24 рубля в год, из которого, впрочем, половина вычиталась за обмундирование.

Казарм не было, и войска располагались постоем у обывателей. При отводе войскам квартир «Устав Воинский» требовал одной кровати на трех человек, из расчета, что двое будут на ней спать, а третий занят караулами. Мы можем из этого убедиться, что отправление караульной службы в те времена поглощало третью часть наличного состава войск.

Дисциплина петровской армии была суровой: под арест сажали в окопах, телесные наказания были часты, но особенной жестокостью не отличались. Разжалование (в тяжелых случаях с «шельмованием» и без выслуги) практиковалось широко. Офицеры, иногда и старшие генералы, как Репнин, «писались в солдаты», нижние же чины «писались в извошники» (т. е. обозные). «Посрамлению» могли подвергаться и воинские части. Вот что писал Петр в одном из своих воинских артикулов: «Полки или роты, которые с поля сражения побегут, судить в генеральном военном суде, и если найдется, что начальники тому причиной, то их шельмовать и, преломив над ними чрез палача шпагу, повесить. Если виновные офицеры и рядовые, то первых казнить как сказано, а из последних по жребию десятого, или как повелено будет, также повесить – прочих же наказывать шпицрутенами, и сверх

того без знамен стоять им вне обоза, пока храбрыми деяниями загладят преступление. Кто же докажет свою невиновность, того пощадить». Петр I вводил таким образом в войска принцип римской «децимации» (казни десятого). Если мы вспомним, что «Устав Воинский» ставит в образец малую армию «Юлиуса Цезаря», то сможем утверждать, что, устраивая полки Третьего Рима, царь брал пример с легионов Первого. К чести русской армии, надо прибавить, что к подобного рода наказаниям прибегать не пришлось. Тем не менее эта грозная сентенция сослужила свою службу, наставив на путь истинный не одно робкое сердце.

«Краткий артикул» 1706 года вводил наказание шпицрутенами, до тех пор применявшееся (как иноземное наказание) лишь к иноземцам, служившим у нас. Шпицрутены назначались исключительно по суду, и виновного прогоняли сквозь строй (наибольшее количество шпицрутенов – прогонка сквозь строй полка – назначалось за рецидив грабежа). Наказание батогами (розгами) назначалось в дисциплинарном порядке.

Со всем этим телесные наказания в русской армии XVIII века были не так часты и не так жестоки, как в иностранных армиях.

Немногие сохранившиеся «сказки» петровских полков – строевые рапорты, донесения всякого рода, отчетность и переписка – позволяют нам судить о быте войск. Рассматривая

эти «сказки», мы прежде всего поражаемся размерам дезертирства. Например, в Бутырском полку, считавшемся одним из самых лучших в армии, с 1712 по 1721 год бежал 361 человек, т. е. за десять лет свыше четверти штатного состава. Объясняется это явление новизной для русского народа суровой и тяжелой рекрутской повинности, бывшей к тому же пожизненной. Призванный под знамена «даточный» первое время не мог свыкнуться с мыслью, что он никогда больше не увидит родной семьи, родного села, родных полей. Отсюда и большинство побегов. Часто беглые «сносили» амуницию и оружие – фузеи, шпаги, иногда даже алебарды. Все это отнюдь не служило спокойствию на больших дорогах. Характерно, что из всего указанного в Бутырском полку числа побегов – 361 за десять лет – лишь один состоялся перед неприятелем (за что виновный и «казнен смертию» – расстрелян). Это обстоятельство служит своеобразным показателем высокого качества войск.

Мало-помалу подневольный профессионал свыкался со своей участью, долей «отрезанного ломтя». С каждым годом оставленные близкие становились все более далекими, постылый вначале полк все более близким... Всю свою привязанность солдат переносил на него, свою вторую и последнюю семью, и на товарищество, «солдатство». Так понемногу, постепенно, из поколения в поколение, создавался бессмертный тип русского солдата, петровского и елизаветинского фузилера, екатерининского чудо-богатыря, николаев-

ского служаки...

Территориальная система комплектования, введенная Петром (при которой земляки попадали в тот же полк), оказала тогда громадную услугу русской армии: рекрутчина переносилась легче — «на миру и смерть красна» — и молодые полки скоро приобретали необходимую спайку.

Полки принимали из своего округа комплектования, в среднем, ежегодно 80—100 новобранцев в годы, когда особенных потерь не было, например в последний период Северной войны, т. е. меняли свой состав полностью за 10—12 лет. В списках рекрут не указывалось ни возраста их, ни физических данных (рост, объем груди и т. д.). Мы знаем, что принимались они без осмотра. Отмечалась лишь грамотность, из «сказок», например Бутырского полка (имевшего столичный округ комплектования, Бутырскую слободу в Москве), видно, что грамотных было 2—3 на сотню, в других полках было и того меньше.

Принимая во внимание тяжелые потери в боях и походах первой половины Северной войны, мы можем утверждать, что в продолжение всей этой двадцатипятилетней борьбы русская армия переменяла полностью свой состав три раза. Потери наши определяют до 300 000 «приблизительно», кто может сосчитать в точности, сколько их легло в финские болота, в польскую глину, в немецкий песок? Сколько было «за благочестие кровию венчано» на полях Лифляндии, Ингрии, Польши, Германии, Малороссии... И сколько погибло там

же от разных «язв» и «горячек», от всякого рода сверхчеловеческих трудов и нечеловеческих лишений?

Вспомним, какая великая доля выпала хотя бы солдатам полков Островского и Толбухина, первых поселенцев Котлина и Петропавловской фортеции! В далеких финских дебрях, с ружьем в одной руке и топором в другой, расчищали они бурелом на месте будущей Невской перспективы под волчий вой и выстрелы шведских партизан. И кости этих первых пионеров, сложивших свои головы в том далеком, неприглядном краю, явились сваями Санкт-Петербурга, фундаментом российской великодержавности... Вспомним тех же Бутырцев, прадедов по прямой линии Гаврилы Сидорова, пронесших на своих плечах и в еще более диких дебрях корабли из Белого моря в Онежское озеро... И вся эта петровская армия, терпящая лишения, но бодрая духом, железной рукой направляемая все к новым подвигам, в распутицу и стужу совершающая тысячеверстные переходы – от Полтавы к Риге, от Риги к Яссам, из Ясс на Копенгаген – не была ли она армией великого народа, армией великого царя?

Русский солдат петровских времен, навсегда простившийся с семьей во имя службы России, являл собою пример стойкости и терпения, верности и самоотречения, каких не знать другим народам. И благодарная Россия сохранит его образ в своем сердце навеки.

ПЕТРОВСКИЕ ПОЛКИ:

лейб-гвардии Преображенский (1683 г.); лейб-гвардии Семеновский (1683 г.);

2-й гренадерский Ростовский (1700 г. – пехотный Гулица, с 1708 г. – Ростовский);

5-й гренадерский Киевский (1700 г. – пехотный Вилима фон Дельдена, с 1708 г. – Киевский);

9-й гренадерский Сибирский (1700 г. – пехотный Ирика фон Вердена, с 1708 г. – Сибирский);

12-й гренадерский Астраханский (1700 г. – пехотный Брюсса, с 1790 г. – Астраханский). С 1708 по 1790 г. полк этот именовался Вологодским. Название Астраханского с 1708 г. носил сформированный в 1700 г. полк Александра Гордона, пошедший в 1790 г. на укомплектование Грузинских Гренадер, получивших его старшинство.

11-й пехотный Псковский (1700 г. – пехотный Мевса, с 1708 г. – Псковский);

15-й пехотный Шлиссельбургский (1700 г. – пехотный фон Трейдена, с 1708 г. – Шлиссельбургский);

17-й пехотный Архангелогородский (1700 г. – пехотный Крота, с 1708 г. – Архангелогородский);

19-й пехотный Костромской (1700 г. – пехотный Николая фон Вердена, с 1805 г. – Костромской);

22-й пехотный Нижегородский (1700 г. – пехотный Польмана, с 1708 г. – Нижегородский);

25-й пехотный Смоленский (1700 г. – пехотный Бильса, с

1708 г. – Смоленский);

29-й пехотный Черниговский (1700 г. – пехотный фон Шведена, с 1708 г. – Черниговский);

45-й пехотный Азовский (1700 г. – пехотный Буша, с 1708 г. – Азовский);

61-й пехотный Владимирский (1700 г. – пехотный Юнгера, с 1708 г. – Владимирский);

64-й пехотный Казанский (1700 г. – пехотный фон Дельдена, с 1708 г. – Казанский);

65-й пехотный Московский (1700 г. – пехотный Иваницкого, с 1708 г. – Московский);

85-й пехотный Выборгский (1700 г. – пехотный Кулома, с 1708 г. – Выборгский). Основанный в 1700 году славный Выборгский полк был расформирован в 1833 году и пошел на составление финляндских линейных батальонов (старыми полками у нас стали дорожить лишь со второй половины XIX века). В 1863 году из финляндских линейных батальонов были составлены пехотные полки 22-й дивизии, причем 85-й назван Выборгским, хотя батальоны, образованные из прежнего Выборгского полка, пошли на составление 88-го пехотного Петровского полка, имевшего, таким образом, больше оснований именоваться Выборгским, – Старый Великолуцкий полк в 1810 году был обращен в егерский, а в 1833-м, при упразднении егерей, расформирован. В 1835 году вновь сформирован пехотный полк, названный Великолуцким. Император Александр III в 1884 году повелел «для

сохранения наименований двух старейших полков в России – Великолуцкого и Выборгского старшинство их в виде исключения из общего правила присвоить 12 пехотному Великолуцкий и 85 пехотному Выборгский полкам». В приводимой таблице мы поэтому и в виде исключения помещаем эти полки.

3-й пехотный Нарвский (1703 г. – пехотный Шенбека, с 1708 г. – Нарвский);

9-й пехотный Старо-Ингерманландский (1703 г. – пехотный Меншикова, с 1704 г. – Старо-Ингерманландский);

27-й пехотный Витебский (1703 г. – пехотный Скрипицына, с 1784 г. – Витебский);

38-й пехотный Тобольский (1703 г. – пехотный князя Репнина, с 1708 г. – Тобольский);

69-й пехотный Рязанский (1703 г. – пехотный Ланга, с 1708 г. – Рязанский);

1-й пехотный Невский (1706 г. – пехотный Куликова, с 1711 г. – Невский);

62-й пехотный Суздальский (1707 г. – пехотный Ренцеля, с 1727 г. – Суздальский), см. прим.

13-й пехотный Белозерский (1708 г. – гренадерский Репнина, с 1727 г. – Белозерский);

16-й пехотный Ладожский (1708 г. – гренадерский Буша, с 1727 г. – Ладожский);

21-й пехотный Муромский (1708 г. – гренадерский Энгберга, с 1721 г. – Муромский);

63-й пехотный Углицкий (1708 г. – гренадерский Бильса, с 1727 г. – Углицкий); лейб-гвардии Кексгольмский (1710 г. – гренадерский князя Барятинского, с 1727 г. – Кексгольмский – сформирован как 2-й гренадерский);

8-й пехотный Эстляндский (1711 г. – Эстляндский гарнизон);

12-й пехотный Великолуцкий (1711 г. – Азовский гарнизон, с 1835 г. – Великолуцкий);

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.